

Я + легенда

Ричард Матесон

Писатель, который произвел на меня самое сильное впечатление.

Стивен Кинг

Ричард Матесон

Я – легенда (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1954, 1956

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Матесон Р.

Я – легенда (сборник) / Р. Матесон — «Азбука-Аттикус», 1954,
1956

ISBN 978-5-389-13518-5

«Я – легенда» Ричарда Матесона – книга поистине легендарная, как легендарно имя ее создателя. Роман породил целое направление в литературе, из него выросли такие мощные фигуры современного литературного мира, как Рэй Брэдбери, Стивен Кинг... – двух этих имен достаточно для оценки силы влияния. Лучшие режиссеры планеты – Стивен Спилберг, Роджер Корман и другие – поставили фильмы по произведениям Матесона. Второй роман, вошедший в эту книгу, «Невероятный уменьшающийся человек», не менее знаменит, чем первый. Человек – песчинка перед темной мощью природы, но и эта малая молекула жизни всеми силами должна защищать себя, чтобы доказать и себе, и миру свое право на земное существование.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13518-5

© Матесон Р., 1954, 1956
© Азбука-Аттикус, 1954, 1956

Содержание

Я – легенда	6
Часть первая	7
1	7
2	12
3	15
4	18
5	22
Часть вторая	27
6	27
7	32
8	35
9	38
10	43
11	47
12	50
13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ричард Матесон

Я – легенда

(сборник)

Richard Matheson

I AM LEGEND

Copyright © 1995 by RXR, Inc.

THE SHRINKING MAN

Copyright © 1956 Richard Matheson, renewed 1984 by Richard Matheson

All rights reserved

© С. Силакова, перевод, 2017

© С. Осипов, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Я – легенда

Генри Каттнеру, с глубокой благодарностью за помощь и моральную поддержку при работе над этой книгой

Часть первая Январь 1976 года

1

В пасмурную погоду Роберт Невилл не мог высчитать, сколько времени осталось до захода солнца, и иногда «они» выбирались из своих укрытий раньше, чем Невилл успевал вернуться домой.

Будь Невилл склонен к аналитическим выкладкам, он мог бы вычислить ориентировочное время их появления; но он судил о приближении ночи по старинке – глядя на солнце. Однако в пасмурные дни этот способ не годился. Вот почему в такую погоду Невилл предпочитал не удаляться от дома.

Он обошел вокруг коттеджа, косясь на тускло-серое небо. Из уголка его рта торчала сигарета, дымок белой нитью тянулся за плечом. Он осматривал каждое окно, проверяя, не расшатаны ли доски. После ожесточенных атак часто обнаруживалось много треснувших или висящих на одном гвозде планок. Их приходилось заменять новыми – препротивное занятие. Сегодня Невилл обнаружил только одну расшатанную планку.

«Чудеса в решете», – подумал он.

На заднем дворе он проинспектировал теплицу и резервуар для дождевой воды. Иногда выходишь – а забор вокруг резервуара помят, желоба для сбора воды исковерканы или вообще валяются на земле. Иногда камни, которыми кидались «они», перелетали через высокую ограду теплицы, иногда в железной сетке, предохранявшей стекла, образовывались дыры; Невиллу приходилось заменять разбитые стекла.

Сегодня и резервуар, и теплица были целы.

Роберт Невилл пошел в дом за молотком и гвоздями. Толкнув дверь, мимоходом взглянул на свое кривое отражение в зеркале, покрытом трещинами. Это зеркало он укрепил здесь месяц назад. Недолго оно продержится – скоро осколки амальгамированного стекла начнут вываливаться из рамы.

«Ну и пускай», – подумал он.

Больше он не станет вешать на дверь зеркала. Овчинка выделки не стоит. А повесит он туда чеснок. Чеснок – средство верное.

Он медленно прошел через тихий сумрак гостиной, повернул по короткому коридору налево и еще раз налево – в спальню.

Когда-то – в другой жизни – комната была любовно обставлена. Теперь в ней властвовала практичность. Кровать и комод Невилла занимали совсем мало места, и он превратил часть спальни в мастерскую.

Вдоль всей стены тянулся верстак. На нем размещались тяжелая ленточная пила, токарный станок для работы по дереву, шлифовальный круг и тиски. На полках над верстаком валялись без всякой системы инструменты Роберта Невилла.

Он взял с верстака молоток, вытряхнул из банки на ладонь полдюжины гвоздей. Вышел наружу, крепко-накрепко прибил доску, лишние гвозди швырнул на кучу щебня.

Долго стоял на газоне перед домом, созерцая перспективу безмолвной Симаррон-стрит. Высокий тридцатилетний потомок немцев и англичан, он имел крайне непримечательную внешность, если не считать крупных упрямых губ и пронзительно-голубых глаз. Сейчас его глаза лениво разглядывали обугленные руины – все, что осталось от домов по обе стороны

от его коттеджа. Он сам сжег эти дома, чтобы «они» не могли перепрыгнуть на его крышу с соседских.

Спустя несколько минут Невилл, сделав глубокий, медленный вдох, вернулся в дом. Швырнул молоток на диван в гостиной, закурил новую сигарету, выпил свою обычную утреннюю стопочку.

Потом заставил себя пойти на кухню – убрать из раковины все, что накопилось за пять дней. Он знал, что также надо бы сжечь бумажные тарелки, стереть пыль с мебели, вымыть раковины, ванну и унитаз, сменить постельное белье, – но был совершенно не в настроении этим заниматься.

Потому что он был мужчиной и жил один, а для живущего в одиночестве мужчины такие мелочи не имеют никакого значения.

Близился полдень. Роберт Невилл собирал чеснок в теплице.

Сперва его мучило оттого, что приходится нюхать чеснок в таких количествах, что в животе постоянно бурлило. Теперь запах впитался в его дом, в одежду и, как порой чудилось Невиллу, даже в тело. Невилл уже практически перестал его замечать.

Набрав полную корзинку головок, он вернулся в дом и высыпал чеснок в раковину. Щелкнул выключателем – лампа замигала, затем все же засияла ровным светом. Невилл раздосадованно присвистнул. Опять генератор капризничает. Придется снова раскрывать этот чертов учебник и проверять провода. А если с ремонтом будет слишком много возни, то и вовсе поставить новый генератор.

Он взял нож, сердито подтолкнул к раковине высокую табуретку и с усталым кряхтением уселся на нее.

Вначале он разделил головки на маленькие серповидные зубчики. Затем разрезал каждый жесткий розовый зубчик надвое, обнажив мясистую сердцевину. По комнате разнесся резкий, едкий запах. Когда стало совсем нечем дышать, Невилл переключил кондиционер в режим вытяжки, и вонючий воздух улетучился.

Невилл взял с полки острую спицу. Проткнул каждую половинку, нанизал все кусочки на проволоку. Получилось двадцать пять связок.

Сначала он вешал эти связки на окна. Но «они», стоя на безопасном расстоянии, швыряли в окна камнями, пока не пришлось заколотить разбитые рамы фанерой. В конце концов он отодрал фанеру и заколотил окна сверху донизу дощечками. Дом превратился в мрачный склеп, но лучше уж так, чем терпеть ежевечерний камнепад со стеклянным градом. А когда Невилл установил три кондиционера, жизнь стала вполне сносной. Человек к чему угодно способен привыкнуть – если не оставить ему другого выхода.

Доделав чесночные «бусы», Невилл вышел во двор. Снял с заколоченных окон старые, потерявшие свой чудодейственный запах связки, укрепил на их месте новые.

Эту операцию приходилось проделывать дважды в неделю. Чесночные «бусы» – его первая линия обороны и пребудут ею до тех пор, пока он не подыщет средство получше.

«Ах, линия обороны? – частенько всплывал в голове вопрос. – От чего обороняемся?»

Сегодня с полудня до самого вечера Невилл занимался изготовлением колеб.

Он делал их на токарном станке из толстых деревянных палок, предварительно распиленных на девятидюймовые заготовки; прижимал к бешено вращающемуся точильному кругу кончик каждого кола, пока тот не становился острее кинжала.

Работа была утомительной и монотонной, мелкие, пахнущие гарью опилки разлетались, облепляли кожу, застревая в ее порах, проникали в легкие, вызывая приступы кашля.

И конца-края этому не было. Сколько бы колеб он ни делал, их запасы таяли на глазах. Когда-нибудь ему придется обтачивать прямоугольные деревяшки.

«Тогда вообще не соскучишься!» – озлобленно подумал Невилл.

Это занятие нагоняло на него дикую тоску. Вообще-то, он давно поклялся себе, что придумает какой-нибудь другой способ уничтожать их. Но как тут что-то придумаешь, если они не дают ни малейшей возможности передохнуть и поразмыслить?

Возясь с кольями, Невилл слушал пластинки – Третью, Седьмую и Девятую симфонии Бетховена. Он был рад, что мать с детства научила его ценить такую музыку. Музыка помогала коротать время, заполняя ужасающий вакуум с утра и до утра.

Когда пробило четыре, он начал то и дело коситься на стенные часы. Он работал молча, сурово поджав губы, с сигаретой в уголке рта, уставившись на резец, гложащий дерево. От резца на пол сыпались струей мелкие опилки.

Четыре пятнадцать. Четыре тридцать. Без четверти пять.

Еще час, и эти мерзкие свиньи снова соберутся у дома. Как только погаснет солнечный свет.

Роберт Невилл стоял перед гигантской холодильной камерой, выбирая, чем бы поужинать. Его пресыщенный взгляд скользил по штабелям мясных полуфабрикатов, пакетам с замороженными овощами, полкам с хлебом и печеньем, фруктами и мороженым.

Он взял две телячьи отбивные, маленькую баночку апельсинового шербета и упаковку бобов. Прижав продукты к груди, локтем захлопнул дверцу холодильника.

Потом подошел к неровным колоннам консервных банок, поднимавшимся до потолка. Взял банку томатного сока и покинул комнату, когда-то служившую спальней Кэти, а теперь обслуживающую его желудок.

Медленно прошел через гостиную, разглядывая фотообои. Непрístupный утес высился над сине-зеленым океаном, волны, вздымаясь, разбивались о черные скалы. В безоблачной голубизне высоко-высоко реяли белые чайки, справа, на краю пропасти росло искривленное дерево – его темный силуэт казался выгравированным на лучезарном небосводе.

Невилл вошел в кухню, кинул продукты на стол, косясь на часы. Двадцать минут шестого. Уже скоро.

Плеснул немного воды в кастрюльку, поставил ее на горелку. Положил отбивные на сковородку. Вода закипела, и он высыпал в кастрюльку мороженые бобы. Подумав, накрыл ее крышкой, рассудив, что генератор барахлит именно из-за прожорливой плиты.

Отрезал себе два ломтя хлеба, налил стакан томатного сока. Сел на табуретку, уставился на красную минутную стрелку, еле-еле ползущую по циферблату. Стервецы не заставят себя долго ждать.

Допив сок, вышел на крыльцо, пересек газон, подошел к воротам.

Смеркалось, холодало. Он глянул сначала в один конец Симаррон-стрит, потом в другой. Прохладный ветерок шевелил его светлые волосы. Какая мерзость – пасмурная погода: никогда точно не знаешь, когда именно они появятся.

Но все же лучше просто ненастье, чем пыльные бури, чтоб их... Передернув плечами, Невилл вернулся в дом, ступая прямо по газону, запер за собой дверь на замок, накинул крючки, задвинул массивный засов. На кухне перевернул отбивные, выключил плиту.

Накладывая еду на тарелку, вдруг замер, торопливо глянул на часы. Итак, сегодня началось в шесть двадцать пять.

– Выходи, Невилл! – заорал Бен Кортман.

Роберт Невилл, вздохнув, сел за стол и принялся за еду.

Он сидел в гостиной и пытался читать. Предварительно он наведлся к серванту с маленьким встроенным баром и налил себе стакан виски с содовой. И теперь Невилл, вцепившись в холодный стакан, читал учебник физиологии. Усилитель, висящий над дверью в коридор, разрывался от оглушительной музыки Шёнберга.

И все равно недостаточно громко. Все равно их слышно: за дверью бормочут, бегают туда-сюда, вскрикивают, режут, дерутся между собой. Время от времени о стену глухо ударялся камень или кирпич. Иногда раздавался собачий лай.

И всех их привела сюда одна и та же цель.

Роберт Невилл на миг зажмурился, крепко закусив губу. Потом открыл глаза и закурил новую сигарету, глубоко затягиваясь дымом.

Жаль, что некогда заняться звукоизоляцией дома. Если бы не приходилось слышать их ор, было бы полегче. Эти вопли действовали ему на нервы даже теперь, на шестом месяце такой жизни.

Невилл больше не наблюдал за ними. Когда все еще только начиналось, он проделал глазок в окне, выходящем на улицу, и по вечерам смотрел в него. Но потом это заметили женщины и стали принимать непристойные позы, надеясь выманить его наружу. Смотреть на такое ему совсем не хотелось.

Отложив книгу, он тупо уставился на ковер. Из усилителя лилась пьеса «Просветленная ночь». Он знал, что можно заткнуть уши ватой – тогда их не будет слышно. Но не будет слышна и музыка – а он не хотел лишний раз напоминать себе, что вынужден прятаться, как моллюск в раковине.

Невилл снова закрыл глаза.

«Женщины – вот из-за кого мне так погано», – подумал он. Бабы кривляются в ночном мраке, как распутные марионетки, надеясь, что он соблазнится и выйдет.

Его передернуло. Каждый вечер одно и то же. Он читает и слушает музыку. Потом принимается строить планы звукоизоляции дома. Потом появляются мысли о бабах.

В глубинах его тела вновь что-то запульсировало, стало тепло, и Невилл крепко сжал побелевшие губы. Ощущение привычное, и как же мерзко, что с ним невозможно совладать. Это ощущение будет усиливаться и усиливаться, пока он не обнаружит, что на месте не сидится. Вскочит, начнет ходить из угла в угол, размахивая побелевшими от злости кулаками. Может быть, включит кинопроектор, или начнет обжираться, или напьется до чертиков, или врубит музыку так громко, что уши заболят. Когда становится по-настоящему худо, он должен хоть чем-то себя занять.

Невилл почувствовал, что мышцы живота напрягаются, точно сжатые пружины. Схватил книгу, попробовал читать вслух, медленно, через силу проговаривая каждое слово.

Но через минуту книга снова упала на колени. Он покосился на книжный шкаф в углу. Все собранные в этих томах знания не могут потушить пылающий в нем огонь; слова всех людей всех веков не могут совладать с бессловесным вождением его плоти, которому никакой разум не указ.

От этого открытия его буквально начало мутить. Какое унижение для человека – разумного существа. Что ж, конечно, вождение вложено в него природой, но теперь утолить эту потребность невозможно. Роберту Невиллу навязан обет целомудрия. Придется привыкать.

«У тебя ведь есть мозги? – спросил он себя. – Вот и пошевели ими!»

Привстав, он еще немножко прибавил громкость проигрывателя, затем заставил себя прочесть, не отвлекаясь, целую страницу. Он читал о том, как клетки крови просачиваются сквозь мембраны, как бесцветная лимфа переносит отходы организма по лимфатическим путям, читал о лимфоцитах и фагоцитах...

«...в области грудной клетки, у левого плеча, где впадает в одну из крупных вен кровеносной системы».

Книга полетела на пол.

Почему его не оставляют в покое? Неужели думают, что его тела хватит на поживу всем? Совсем сдурели? Зачем они таскаются сюда каждый вечер? Целых пять месяцев прошло, им давно пора плюнуть на него и отправиться на поиски другой добычи.

Роберт пошел к бару, налил себе еще стакан. Возвращаясь к креслу, услышал сквозь музыку знакомый шум: камни ударились о крышу, с грохотом скатывались по ней и падали в кустарник за домом. Но даже эту какофонию перекрывал голос Бена Кортмана, вопившего, как обычно:

– Выходи, Невилл!

«В один прекрасный день я доберусь до этого стервеца, – подумал он, выпив залпом пол-стакана горького виски. – Однажды я всажу кол в его поганую грудь. Я для него специальный кол заготовлю, длиной в фут, с ленточкой».

Завтра. Завтра он сделает в доме звукоизоляцию. Его пальцы с побелевшими костяшками сжались в кулаки. От мыслей про баб можно чокнуться. Если же он перестанет слышать эти голоса, то авось сумеет выкинуть их из головы. Завтра. Завтра.

Пластинка кончилась. Невилл снял с проигрывателя стопку прослушанных пластинок, стал рассовывать их по конвертам. Теперь шум с улицы казался еще громче. Он схватил первую попавшуюся пластинку, опустил на проигрыватель, вывернул ручку на полную катушку.

Его оглушил «Чумной год» Роджера Лея. Скрипки пищали и завывали, барабаны стучали глухо, как агонизирующее сердце, флейты выводили дикие, атональные мелодии.

Сорвавшись с места, Роберт Невилл в ярости схватил пластинку и переломил о колено. У него давно уже чесались на нее руки! Еле переставляя затекшие ноги, прошел на кухню, швырнул осколки в мусорный ящик. И застыл посреди темной кухни, крепко зажмурив глаза, стиснув зубы, заткнув уши.

«Отвяжитесь от меня, отвяжитесь, ОТВЯЖИТЕСЬ!»

Бесполезно – ночью с ними тягаться невозможно. Нечего и пробовать: в темное время суток их силы удесятерятся. Хватит делать глупости. Может, кино посмотреть? Нет, что-то неохота возиться с проектором. Он просто ляжет в постель, заткнув уши ватой. Вечер закончится точно так же, как все предыдущие.

Стараясь вообще ни о чем не думать, Роберт Невилл торопливо пробежал в спальню и разделся. Натянув пижамные штаны, отправился в ванную. Он всегда спал в одних штанах, голый до пояса – эта привычка осталась со времен войны, когда Невилл служил в Панаме.

Моясь, он смотрел в зеркало на свою широкую грудь. Темные волосы густо росли вокруг сосков, спускались дорожкой к пупку. Роберт смотрел на вычурный крест – тоже память о Панаме.

Как-то, по пьяному делу, он вытатуировал его у себя на груди.

«Совсем дурак был!» – подумал он теперь. Однако вполне возможно, что именно этот крест спас ему жизнь.

Он тщательно почистил зубы и прополоскал рот специальным эликсиром. Невилл старался заботиться о своих зубах – ведь теперь он сам себе дантист. Все остальное пусть горит синим пламенем, но здоровье...

«Тогда почему бы тебе не перестать травиться алкоголем? – спросил он себя. И сам себе ответил: – А почему бы тебе не заткнуться?»

Переходя из комнаты в комнату, выключал свет повсюду. Несколько минут всматривался в фотообои, пытаясь внушить себе, что видит настоящий океан. Но разве самовнушение подействует, когда ночь полнится стенаниями и воплями, ревом и грохотом, рыданиями и скрипами?

Невилл выключил в гостиной свет, вернулся в спальню.

Увидев, что постель усыпана опилками, недовольно присвистнул. Одним махом отряхнул сор, подумав, что надо бы сделать перегородку между мастерской и жилой частью.

«Надо бы сделать то, надо бы это», – тоскливо сказал он сам себе. Сколько хлопот, черт подери, разве дойдут руки до его главного дела?

Он закупорил уши ватными тампонами, и великое безмолвие поглотило его. Потушил свет, заполз под одеяло. Взглянув на часы со светящимся циферблатом, увидел, что стрелки показывают начало одиннадцатого.

«Отлично, – подумал он. – Можно будет встать пораньше».

Невилл лежал на кровати и глубоко дышал в темноте, надеясь, что скоро заснет. Но тишина ничуть не помогала. Перед глазами стояли их фигуры – мужчины с бескровными лицами рыщут около дома, все ищут и ищут лазейку, чтобы добраться до него. Некоторые, наверное, сидят на корточках, по-собачьи выгнув спины, блестящие глаза устремлены на дом, зубы скрипят, челюсти медленно движутся – туда-сюда, туда-сюда...

А женщины...

Черт побери! Неужели он опять начнет думать об ЭТИХ? Невилл резко перевернулся на живот, зарылся лицом в горячую подушку. Так он и лежал, тяжело дыша; по его телу время от времени пробегала легкая судорога. Скорей бы утро. Его губы твердили это каждую ночь. Господи ты боже мой, скорей бы утро.

Ему приснилась Вирджиния, и во сне он кричал, а его пальцы цеплялись за простыню, как когти обезумевшего льва.

2

В пять тридцать зазвенел будильник, и Роберт Невилл, еле-еле приподняв одеревеневшую руку, нажал на кнопку. Звонок угомонился.

Невилл потянулся за сигаретами, закурил, сел на постели. Через несколько минут встал, прошел в темную гостиную, осторожно припал к смотровому глазку.

На газоне перед домом застыли, как немая стража, темные фигуры. Прямо у него на глазах некоторые побрели восвояси, злобно изрыгая бессмысленные обрывки фраз. Вот и еще одна ночь миновала.

Он вернулся в спальню, зажег свет, оделся. Натягивая рубашку, услышал крик Бена Кортмана: «Выходи, Невилл!»

Вот и все. После этого отбоя они уходили, ослабевшие за ночь. Если только они не нападали на кого-нибудь из своих. Это случалось часто. Среди них не было единства. Их действиями управлял голод – и только голод.

Одевшись, Невилл сказал «уф», сел на кровать и набросал план на день:

Токарный станок в «Сирс».

Вода.

Проверить генератор.

Палки(?).

Обычные дела.

Завтракал наспех: стакан апельсинового сока, тост, две чашки кофе. Он покончил с едой за полминуты, жалея, что не хватает терпения жевать медленно.

Выбросив бумажную посуду в мусорный ящик, Невилл почистил зубы.

«По крайней мере, у меня сохранилась одна хорошая привычка», – подумал он в утешение самому себе.

Едва выйдя на крыльцо, он уставился на небо. Чистое, без единого облачка. Сегодня можно выбраться в город. Замечательно.

Под каблуком заскрипели осколки зеркала.

«Ну что же, – чертыхнулся он про себя, – так я и знал, что эта хреновина разобьется. Попозже уберу».

Один труп валялся на дорожке; другой оттащили в кустарник. Трупы двух женщин. Они почти всегда выбирают женщин.

Невилл отпер гараж и вывел задним ходом свой «виллис» на свет божий, с удовольствием вдыхая живительный утренний воздух. Открыл заднюю дверцу фургона. Надел плотные перчатки и подошел к женщине, лежащей на дорожке.

«При дневном освещении в них нет ничего привлекательного», – думал он, волоча трупы по лужайке и швыряя их на брезентовую подстилку. В их жилах не осталось ни капли крови; цвет кожи у обеих был как у вытасненных из воды рыб. Он захлопнул дверцу.

Затем обошел газон, подбирая камни и кирпичи и складывая их в мешок. Закинув мешок в кузов, снял перчатки. Вернулся в дом, вымыл руки, собрал в дорогу обед: пару сэндвичей, немного печенья, термос с горячим кофе.

Покончив с этим, он сходил в спальню за сумкой с колями. Повесил ее на плечо, застегнул пояс, на котором уже болтался деревянный молоток. И вышел из дома, заперев дверь на замок.

Сегодня утром он не будет тратить время на поиски Бена Кортмана – слишком много других дел. Тут он вспомнил, что решил заняться звукоизоляцией дома.

«Нет уж, ну ее к черту, – подумал Невилл. – Завтра или в пасмурную погоду успеется».

Он сел за руль фургона и заглянул в план. Первое: «Токарный станок в „Сирс“». Но, естественно, сперва надо избавиться от трупов.

Он завел мотор, быстро выехал на улицу и направился к Комптонскому бульвару. Там свернул направо, на восток. Дома по обеим сторонам бульвара были безмолвны, вдоль тротуаров выстроились пустые, мертвые автомобили.

Невилл скосил глаза на указатель топлива. Почти половина бака, но можно остановиться на Вестерн-авеню и наполнить его. Не стоит без особой нужды расходовать запас бензина, хранящийся в гараже.

Он заехал на тихую заправку и закачивал бензин себе в бак до тех пор, пока светло-янтарная жидкость не полилась через край на цемент.

Затем проверил масло, уровень воды, аккумулятор и покрышки. Все в порядке. Его машина всегда в порядке – он бережет ее как зеницу ока. Если однажды она сломается и он не успеет добраться домой до заката...

Ну, об этом даже думать не стоит. Если такое однажды приключится, это верная гибель.

Он поехал дальше по Комптонскому бульвару, мимо высоких буровых вышек, через Комптон, по безмолвным улицам. Нигде не видно ни души.

Но Роберт Невилл знал, где все они сейчас.

Этот огонь не гас никогда. Приближаясь к конечному пункту, Невилл натянул перчатки и противогаз. Впереди расстилалась черная пелена дыма и копоти. В июне 1975-го все поле превратилось в гигантский котлован – настоящее огненное пекло.

Невилл остановил машину и выскочил, торопясь поскорей покончить с работой. Откинул задвижку, распахнул дверцу, выволок одно из тел, дотащил до края котлована. Поставил труп стоймя и спихнул вниз.

Тело, подпрыгнув, покатилося по крутому склону и врезалось в кучу дымящегося пепла на дне.

Учащенно дыша, Роберт Невилл бегом вернулся к фургону. Здесь ему всегда, даже в противогазе, чудилось, что не хватает воздуха.

Со вторым трупом он поступил точно так же, как и с первым. Швырнул вслед мешок с камнями, вскочил в фургон и рванул с места.

Отъехав на полмили, он содрал с себя противогаз и перчатки, кинул в кузов, жадно хватая ртом свежий воздух. Достал из ящичка фляжку, сделал долгий глоток. Виски обжег горло; потом Невилл закурил, глубоко затянувшись. Иногда выдавались недели, когда приходилось ездить к огненному котловану каждое утро, – и каждый раз ему от этого становилось дурно.

Где-то там лежит Кэти.

По дороге в Инглвуд Невилл остановился у супермаркета, чтобы запастись дистиллированной водой в бутылках.

Когда он вошел в безмолвный магазин, ему в ноздришибанул запах гниющих продуктов. Он торопливо пробежал с тележкой между рядами пыльных полок. Сильный запах разложения действовал на нервы, приходилось дышать через рот.

Воду в бутылках он нашел в дальней части торгового зала. Там же обнаружилась дверь, ведущая на лестницу. Перетащив все бутылки в фургон, Невилл поднялся по лестнице. Возможно, наверху живет хозяин магазина. Почему бы не начать с него?

Их было двое. В гостиной на кушетке лежала женщина лет тридцати, в красном халате. Ее грудь медленно вздымалась и опускалась, глаза были закрыты, руки сложены на животе.

Пальцы Роберта Невилла стиснули кол и деревянный молоток. Когда они оказывались живыми, ему всегда было тяжело решиться. Особенно если это были женщины. Он чувствовал, как просыпается в нем бессмысленное вожделение, как напрягаются мышцы. Но поборол себя. Это только блажь, не имеющая никаких разумных оправданий.

Она не проронила ни звука, только хрипло глотнула воздух. Направившись в спальню, он услышал позади нечто похожее на журчание воды.

«Ну а что еще мне остается делать?» – спросил он себя. Он все еще не свыкся со своей ролью, все еще приходилось каждый раз убеждать себя, что он поступает правильно.

Невилл застыл на пороге спальни, уставившись на кровать у окна; его кадык задергался, дыхание перехватило. Потом, овладев собой, подошел к кровати и взглянул на девочку.

«Почему мне всегда чудится, что все они похожи на Кэти?» – подумал он, дрожащей рукой заноса второй кол.

Роберт Невилл медленно ехал в сторону магазина сети «Сирс». Чтобы забыться, он принялся размышлять, почему годятся только деревянные колья. И тут же вновь помрачнел. Просто курам на смех – пять месяцев провозиться с кольями и только сейчас задуматься над этой деталью.

Один вопрос тянул за собой другой. Интересно, как ему каждый раз удастся безошибочно попадать в сердце? Их нужно поражать именно в сердце – так пишет доктор Буш. Но ведь он, Невилл, в анатомии ни бум-бум, а вот, поди ты, получается...

Он наморщил лоб. Его бесило, что он так долго проделывал эти отвратительные операции, даже не задумываясь над механизмом их воздействия.

Тряхнул головой. Нет, нужно все неторопливо обдумать, сначала сформулировать все вопросы, а потом уже искать ответы. Все надо делать как следует, по-научному.

«Во-во, во-во, – подумал он, – это во мне проснулся старик Фриц». Так звали его отца. Невилл недолюбливал папашу и всю жизнь подавлял в себе унаследованную от него склонность к логическому, механистическому мышлению. Его отец до последнего вздоха исступленно отрицал существование вампиров.

В магазине Невилл выбрал токарный станок, погрузил его в «виллис», потом прочесал магазинные помещения.

Их оказалось пятеро. Они прятались в разных затененных уголках цокольного этажа. Одного Невилл обнаружил внутри выставленного на витрину холодильника. При виде высокого мужчины, лежащего в этом эмалевом гробу, Невилл не мог сдержать смех – таким забавным показалось ему это укрытие.

А потом понял, что в этом мире совсем не осталось места юмору, раз его стали веселить такие вещи.

Часа в два пополудни сделал остановку, пообедал. Казалось, у всех продуктов чесночный привкус.

И это заставило задуматься, почему на них действует чеснок. Видимо, их отпугивает запах, но почему?

Странные они существа: днем не выходят на свет, от чеснока бегут как ошпаренные, умирают, если их тело пронзить колом. Считается также, что они боятся крестов и сторонятся зеркал.

Возьмем, например, зеркала. Легенды гласят, что в зеркалах они не отражаются, но Невилл знал, что это неправда. Такая же неправда, как и поверье, что они оборачиваются летучими мышами. Простая логика и опытные наблюдения камня на камне не оставили от этого предрассудка. Глупо верить и в то, что они способны превращаться в волков. Собаки-вампиры, безусловно, существуют; он сам их видел и слышал по ночам у своего дома. Но то всего лишь собаки.

Роберт Невилл закусил губу.

«Забудь об этом, – сказал он себе, – ты еще не готов».

Придет время, и он приступит к этому делу, докопается до всех тонкостей, но пока рано. Пока хватает других забот.

Подкрепившись, он стал обследовать дом за домом, пока не истратил все свои колья. А кольев было сорок семь.

3

«Сила вампира в том, что никто не хочет верить в его существование».

«Ну спасибо, доктор Ван Хельсинг», – подумал Невилл, отложив «Дракулу». И уныло устался на книжный шкаф, слушая одним ухом Второй фортепьянный концерт Брамса – со стаканом коктейля в правой руке и сигаретой в зубах.

Ван Хельсинг прав. Книжка – сумбурное месиво из суеверий и мелодраматических штампов, но эта фраза – сама истина; в вампиров никто не верил, а как можно бороться с тем, во что даже не веришь?

Эти черные полуночники выползли из мрака Средневековья. Не существующие по определению, с потрохами отданные на откуп художественной литературе. Вампиры давно вышли из моды, время от времени выныривая разве что в идилиях Саммерса, либо в мелодрамах Стокера, либо в краткой статье Британской энциклопедии. Порой они попадали под жернова всеядной мельницы желтой прессы или служили сырьем для фабрик второразрядных фильмов. От века к веку легенда становилась все более рыхлой и противоречивой.

А оказалась совершенно достоверной.

Роберт Невилл отхлебнул из стакана и, зажмурившись, ощутил, как холодная жидкость скользнула по пищеводу, согрела желудок.

«Да, невероятное оказалось правдой, – подумал он, – хотя никому так никогда и не удалось точно удостовериться в этом».

О, все знали, что за происходящим что-то кроется, но не может быть, чтобы... – нет, только не это. Сплошная игра воображения, чистое суеверие, этого нет и быть не может.

Но вскоре после того, как наука покончила с легендой, легенда сожрала и науку, и все на свете.

Сегодня он не нашел ни одной палки-заготовки для кольев. Не осмотрел генератор. Не убрал осколки зеркала. Не ужинал – аппетит пропал. Ну, это-то не страшно – он частенько терял всякий вкус к еде. Трудно как ни в чем не бывало сесть за обильный ужин после того, чем он занимался сегодня день-деньской. Даже если проделываешь эти операции уже пять месяцев.

Он подумал об одиннадцати – нет, двенадцати – детях, которых сегодня... и в два глотка допил стакан.

Веки дрогнули, комната слегка поплыла перед глазами.

«Вот ты и налился, старина, – сказал он себе и сам же ответил: – Ну и что? Кто-то, а я на это право имею».

Невилл отшвырнул книгу в другой угол комнаты. Чтоб я вас больше не видел, Ван Хельсинг, Мина, Джонатан и ты, граф с кровавыми зенками! Прочь, все выдумки, все бредовые спекуляции на мучительной теме!

Из его горла вырвался кашляющий смех. На улице Бен Кортман громогласно приглашал его выйти.

«Я сейчас, Бенни, – подумал он. – Дай только смокинг надену».

Поежившись, он скрипнул зубами. «Я сейчас, Бенни». А почему бы и нет? Почему бы, собственно, не выйти на улицу? Это верный способ отделаться от их приставаний.

Стать одним из них.

Он неудержимо расхохотался, сообразив, насколько это просто, потом заставил себя встать и доковылять до бара. Почему бы и нет? Эта идея не выходила у него из головы. Зачем утруждать себя всеми этими проблемами, когда можно просто распахнуть дверь, сделать несколько шагов – и порядок!

«Чтоб мне провалиться на месте, даже не знаю, что выбрать», – думал он. Конечно, есть слабая вероятность, что где-то уцелели такие, как он, – уцелели и пытаются жить дальше, в надежде вновь когда-нибудь оказаться среди своих. Но разве он может найти их, если до них больше чем день езды?

Пожав плечами, Невилл налил себе еще виски: мерными стаканчиками он давно не пользовался. На окна – чеснок, теплицу покрыть сеткой, трупы – сжигать, камни – вывозить, понемножку уничтожать их бесовские полчища. Зачем самому себе вешать лапшу на уши? Он никогда никого не отыщет.

Невилл бухнулся в кресло.

«Вот мы, ребятки, сидим, как клопики в коврике, сидим и в ус не дуем, нас взял в кольцо батальон кровососов, которые спят и видят, как бы нахлебаться моего патентованного, стопроцентного гемоглобина. Выпьем, друзья, это стоит обмыть».

Лицо Невилла исказила гримаса жгучей, беспредельной ненависти. «СВОЛОЧИ! Я не отступлю, пока не уничтожу всех вас до последнего!» Правая рука сдвинула стакан – и на пол посыпались осколки.

Роберт Невилл тупо взглянул на стекляшки под ногами, на огрызок стакана, еще зажатый в его руке, на капающую с ладони смесь виски с кровью.

«А им, верно, захочется чуть-чуть попробовать», – подумал он. И в бешенстве вскочил, шатаясь, и уже потянулся к засову, чтобы открыть дверь, потрясти перед их носом рукой, услышать, как они взвоят.

Но тут же зажмурился; по телу пробежала дрожь.

«Не дури, приятель, – сказал он себе. – Иди перевяжи руку, будь она неладна».

Добрел до ванной, осторожно вымыл руку, намазал йодом зияющую рану, прикусив губы. Потом кое-как наложил повязку. Его широкая грудь судорожно вздымалась, со лба капал пот.

«Надо покурить», – решил он.

Вернувшись в гостиную, поставил вместо Брамса Бернстайна, закурил.

«Что я буду делать, если у меня вдруг закончатся эти гвозди в крышку моего гроба? – подумал он, глядя на синие кольца сигаретного дыма. – Ну, до этого еще далеко. Примерно тысяча блоков лежит в шкафу, в комнате Кэ...»

Он стиснул зубы. В кладовке, кладовке, В КЛАДОВКЕ.

В комнате Кэти.

Он сидел, уставившись мертвым взглядом на фотообои с океаном, – а в ушах пульсировал «Век тревоги».

«Век тревоги, значит, – думал он. – Ты, Ленни, думал, что в твоё время были тревоги. Ленни и Бенни – хорошая бы из вас получилась парочка. Вы оба на „К“ – композитор и кро-вохлеб. „Мама, когда я вырасту, я хочу стать вампилом, как папа“. – „Станешь, зайка, обяза-тельно станешь“».

Виски, журча, лился в стакан. Ощувив боль в ладони, Невилл с гримасой перебросил бутылку в левую руку.

Сидел, прихлебывая из стакана.

«Да потонет в водах этого потопа последний островок моего здравомыслия. Да пойдет наперекосяк хрупкое равновесие моей ясноглазой дальновидности, только, пожалуйста, поско-рей. Как же я их ненавижу!»

Пол постепенно начинал раскачиваться, стены и предметы колыхались, набегали на кресло волнами. Глаза застилала приятная, пушистая по краям пелена. Он глядел то на стакан, то на проигрыватель. Голова клонилась то на левое, то на правое плечо. За окном рыскали, бормотали и выжидали.

«Бедные вампирчики, – подумал он, – бедные деточки, ходят на цыпочках вокруг дома, такие голодные, такие всеми забытые».

Идея. Он оттопырил указательный палец, закачавшийся перед его глазами, как тро-стинка.

«Друзья, я пришел, чтобы рассказать о вампирах – об этом самом угнетенном из угне-тенных меньшинств.

К делу: я по-быстрому перечислю аргументы, доказывающие мой тезис, а тезис мой таков: вампиры – жертвы предвзятого отношения.

Ключевая причина предвзятого отношения к меньшинствам в обществе: их недолюбли-вают, потому что боятся. Следовательно...»

Он налил себе еще стакан. До краев.

«Когда-то, а именно в темные века Средневековья, власть вампиров была колоссальна, а страх перед ними – бесконечен. Их предали анафеме, и анафема по сей день тяготеет над ними. Общество пылает ненавистью к ним – бездумной и безмерной.

Но разве их потребности более ужасны, чем потребности других животных или даже людей? Разве их деяния более возмутительны, чем деяния отца, который уничтожает в своем чаде веру в собственные силы? Говорите, при встрече с вампиром сердце бешено колотится, волосы встают дыбом. Ну-ну. Но кто хуже – вампир или отец, по чьей вине общество полу-чило очередного невротика? Особенно если этот невротик подался в политику. Кто хуже – вампир или фабрикант, который, состарившись, жертвует на благотворительность деньги – то, что нажил, поставляя чокнутым националистам винтовки и бомбы?! Кто хуже, вампир или винокур, который гонит дешевое некачественное пойло, чтобы вконец сгноить мозги тем, кто даже в трезвом виде не способен связно мыслить? (Н-ну, за эту клевету я дико извиняюсь: больше не буду возводить поклепы на тот напиток, что поддерживает во мне силы.) Кто хуже, вампир или издатель, чьей смакующей похабщину и убийства продукцией набиты киоски на каждом углу? Давай-ка, дружок, на себя погляди: так ли ужасны вампиры?

Они просто пьют кровь.

К чему тогда эти ожесточенные предубеждения, эта бездумная предвзятость? Почему вампиры не могут жить, где пожелают? Почему они должны искать себе убежища, где никто не может их разыскать? Почему вы хотите их уничтожения? О да, вы превратили простодушное, невинное существо в загнанного зверя. У вампира нет средств к существованию, нет возмож-ности получить нормальное образование, нет права голоса. Неудивительно, что он вынужден вести жизнь ночного хищника».

Роберт Невилл угрюмо хмыкнул.

«Конечно, конечно, – подумал он, – вот только позволите ли вы вашей сестре выйти замуж за вампира?»

Он пожал плечами.

«Этим вопросом, дружище, вы меня срезали: не в бровь, а в глаз».

Пластинка кончилась. Иголка, скрипя, совершала круг за кругом по последней, бесконечной бороздке. Он сидел в кресле, чувствуя, как вверх по ногам бегут холодные мурашки. Плохо слишком много пить – становишься невосприимчив к приятным сторонам алкоголя. Спиртное больше не успокаивает. Отрубаясь раньше, чем захорошеет. Комната уже начала выравниваться, а в барабанные перепонки снова стучались звуки с улицы:

– Выходи, Невилл!

Его кадык дернулся, судорожный вздох исказил губы. «Выходи». Там стоят женщины, расстегнув или вообще сбросив платья, их тела ждут твоих прикосновений, их губы ждут...

«Крови. Моей крови!»

Невилл посмотрел на свою руку, точно на чужую, наблюдая, как она сжимается в кулак, костяшки белеют и трясущийся кулак медленно поднимается, чтобы изо всех сил стукнуть по коленке. От боли он шумно втянул ртом вонючий воздух своего дома. Чеснок. Вездесущее чесночное амбре. Вьелось в одежду и в мебель, в еду и даже в виски.

«Позвольте вам предложить чеснок с содовой», – попробовал сострить его мозг.

Грузно поднялся, начал мерить шагами комнату.

«И чем я теперь займусь? Снова сказка про белого бычка? Наперед все знаю. Читать-пить-звукоизолировать дом... И женщины... Женщины, похотливые, изголодавшиеся по крови, голые женщины, выставяющие на твоё обозрение свои горячие тела. Выставяют, ага, только тела вовсе не горячие».

Жалобное хныканье вырвалось из его горла, тело затряслось мелкой дрожью. На что они рассчитывают, сволочи? Что он выйдет с поднятыми руками?

«Может, и выйду, может, и выйду».

И действительно, Роберт обнаружил, что судорожно сдвигает засов на двери.

«Иду, девочки, иду. Послуните губки».

Снаружи услышали скрип засова, и вопль предвкушения разорвал темноту.

Завертевшись волчком на месте, Невилл стал долбить кулаками по стене, пока на штукатурке не появились трещины, а на руках не проступили синяки. Тогда он замер, беспомощно дрожа, стуча зубами.

Через какое-то время его отпустило. Он вставил засов в прорезь и пошел в спальню. Свалился на кровать, со стоном уронил голову на подушку. Левый кулак слабо ударил по одеялу.

«О господи-и-и, – подумал он, – сколько еще, сколько еще?»

4

Будильник так и не зазвонил, потому что Невилл забыл его завести. Он спал без единого звука, без единого движения, тело словно налилось чугуном. Когда он наконец открыл глаза, было уже десять утра.

Ворча, Невилл еле-еле приподнялся, спустил ноги с кровати. Тут же в голове началась какая-то пульсация: словно мозг пытался удрать из черепа.

«Отлично, – подумал он, – вот и ты, бодун. Только тебя мне и не хватало».

Постанывая, придал себе вертикальное положение, доковылял до ванной; ополоснул лицо водой, подставил голову под струю.

«Зря стараешься, – пожаловался рассудок, – зря стараешься. Мне все равно погано».

В зеркале отражалось его лицо – изможденное, обросшее щетиной лицо человека, которому далеко за сорок.

«Любовь, на всем твоя волшебная печать» – эти строки бессмысленно колыхались в его мозгу, как мокрая простыня на ветру.

Он медленно дошел до гостиной, отворил дверь на крыльцо. При виде женщины, валяющейся кулем на тротуаре, с губ сорвалось хриплое проклятие. Он было приосанился, негодуя, но вибрации в голове усилились до невозможности, пришлось умерить ярость.

«Все, я заболел», – подумал он.

Небо было мертвенно-серым.

«Класс! – подумал Невилл. – Еще день не смей даже высовываться из этой осажденной крысиной норы!» Он в ярости хлопнул дверью, и тут же со стоном дернулся от грохота в раскалывающейся голове. Выйдя на крыльцо, он услышал за спиной звон: остатки зеркала, вывалившись из рамы, посыпались на цемент. Чудесно! Его рот скривился, поджатые губы превратились в белый шнурок.

Две чашки обжигающего черного кофе только еще больше расстроили желудок. Роберт грохнул на стол чашку и пошел в гостиную.

«Катись все к черту, – подумал он, – лучше опять напьюсь».

Но виски на вкус показался скипидаром, и Невилл с силовым воплем швырнул стаканом в стену. А потом стоял и пялился, как виски пятном расплывается по ковру.

«Черт, я так скоро без стаканов останусь».

Эта перспектива настолько взбесила его, что Невилл чуть не задохнулся. Воздух еле-еле проходил через нос и с клекотом вырывался из горла.

Он плюхнулся на кушетку и долго сидел, медленно качая головой. Все бесполезно; они взяли над ним верх, взяли над ним верх, черные гады.

Снова появилось это тревожное ощущение: будто он, Роберт Невилл, растет, а дом съезживается, и в любую секунду его тело может взорвать стены, и к небу взлетит фонтан из плоти, кирпича и штукатурки. Он встал и с трясущимися руками ринулся к двери.

Застыл посреди газона, жадно давясь сырым утренним воздухом, повернувшись спиной к ненавистному дому. Но точно так же он ненавидел соседние дома, ненавидел мостовую, тротуары, газоны – все, что было на Симаррон-стрит.

Ненависть нарастала и нарастала. И внезапно он понял, что должен выбраться отсюда. Пасмурно или нет, а выбираться надо.

Невилл закрыл дом на замок, отпер гараж, откинул вверх массивную дверь. Выхав из гаража, поленился выйти из машины, чтобы снова опустить дверь.

«Я же скоро вернусь, – сказал он себе. – Просто немного покатаюсь».

Он быстро вывел фургон на улицу, развернулся и изо всех сил надавил на акселератор, направившись в сторону Комптонского бульвара. Невилл сам не знал, куда едет.

За угол он повернул со скоростью сорок миль в час, а к следующему перекрестку разогнался до шестидесяти пяти. Автомобиль так и рвался вперед; Невилл все давил и давил на газ затекшей ступней. Руки, стиснувшие руль, казались изваянными из льда, лицо – ликом статуи. Разогнавшись до восьмидесяти девяти миль в час, он пронесся по безжизненному, пустынному бульвару – маленькая режущая точка среди великого покоя.

«О мерзость! Это буйный сад, плодящий одно лишь семя; дикое и злое в нем властвует»¹, – припомнил Невилл, медленно пересекая кладбищенский луг.

Тяжелые ботинки с хрустом ломали траву, которая так разрослась, что сгибалась под собственным весом. Вокруг ни звука – только его шаги да пение птиц, теперь потерявшее всякий смысл.

---

¹ Шекспир У. Гамлет. Перевод М. Лозинского.

«Когда-то мне казалось, что они поют, потому что с миром все в порядке, – подумал Роберт Невилл. – Теперь я знаю, что ошибался. Они поют, потому что ни хрена не смыслят».

Он промчался шесть миль, до предела вдавливая педаль газа, прежде чем сообразил, куда направляется. Станным образом его рассудок и тело сохранили цель поездки в тайне от его сознания. Он знал только, что болен и подавлен, что должен удрать из дома. Он и не догадывался, что едет навестить Вирджинию.

А сам, никуда не сворачивая, приехал сюда, так быстро, как только мог. Остановил машину, вошел в ржавые ворота, и теперь его ботинки топчут и мнут густую траву.

Сколько он здесь не был? Не меньше месяца, наверно. Жаль, что не принес цветы, но как он мог? Он только перед воротами сообразил, куда приехал.

Невилл прикусил губы, вновь обуянный давним горем. Почему нельзя было положить здесь и Кэти? Почему он слепо послушался идиотов, установивших во время чумы свои дурацкие правила? Если бы только она могла лежать здесь, уткнувшись в бок мамы!

«Про это даже не начинай», – приказал он себе.

Приблизившись к склепу, он весь напрягся, заметив, что железная дверца слегка приоткрыта.

«О нет, только не это!» – подумал он. И помчался бегом по сырой траве.

«Если они до нее добрались, я спалю город, – поклялся он. – Даю обет перед Богом, что оставлю от этого города один пепел, если к ней притронулись».

Он пнул дверь, она распахнулась, ударилась с глухим звоном о мраморный постамент, на котором стоял запечатанный гроб.

Напряжение ослабло; Невилл перевел дух. Гроб на месте, нетронут.

Перешагнув через порог, Невилл увидел в углу склепа какого-то мужчину. Тот лежал на холодном полу, свернувшись калачиком.

С яростным воплем Роберт Невилл подскочил к лежащему, сгреб его за лацканы пиджака. Потатил волоком по полу, вышвырнул на траву. Мужчина перекатился на спину, обратив белое лицо к солнцу.

Роберт Невилл вернулся в склеп. Его грудь ходила ходуном. Он закрыл глаза и замер, положив руки на крышку гроба.

«Я здесь, – произнес он про себя. – Я вернулся. Не забывай меня».

Он выбросил цветы, принесенные в прошлый раз, вымел листья, залетевшие через открытую дверь.

Потом присел у гроба, прижавшись лбом к его холодному металлическому боку.

Тишина обняла его своими прохладными, ласковыми руками.

«Вот сейчас бы и умереть, – подумал он, – спокойно, тихо, без трепета, без крика. Если бы я мог быть с ней. Если бы я только мог поверить, что буду с ней!»

Его пальцы медленно напряглись, голова упала на грудь.

«Вирджиния. Забери меня к себе».

Слеза, прозрачная слеза, скатилась по его неподвижной руке...

Невилл не знал, сколько просидел там. Однако через какое-то время даже самое глубокое горе начинает тускнеть, лезвие острого, как скальпель, отчаяния – притупляться.

«Тот, кто занимается самобичеванием, со временем привыкает даже к ударам бича – подумал он. – Это-то и плохо».

Роберт Невилл выпрямился, встал.

«Я еще жив, – напомнил он себе. – Сердце бессмысленно стучит, кровь без толку бежит по венам, все кости, мускулы и ткани живут и работают без всякой цели».

Еще минуту он простоял, глядя на гроб, потом со вздохом повернулся и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь – словно скрип мог разбудить Вирджинию.

Про мужчину он совсем позабыл. И теперь, чуть не споткнувшись о него, отскочил в сторону, придушенно выругавшись.

Потом резко обернулся.

Что такое? Он недоверчиво оглядел вампира. Тот был мертв; по-настоящему мертв. Но как это могло случиться? Метаморфоза произошла очень быстро, но теперь мужчина выглядел и вонял так, словно умер несколько недель назад.

В голове Невилла все забурило от неожиданной радости. Вампира что-то убило; что-то зверски эффективное. Сердце в целости и сохранности, чеснока здесь нет, и все же...

Разгадка пришла сама собой. Разумеется... Дневной свет!

Невилл как громом ударило. Верх идиотизма – пять месяцев знать, что днем они не выходят на улицу, и ни разу – НИ РАЗУ – не задуматься почему! Он даже прикрыл глаза от стыда.

Солнечные лучи; инфракрасное и ультрафиолетовое излучение. Должно быть, дело в этом. Но почему? Черт побери, почему он ничего не знает о воздействии солнечного света на организм человека?

И другой вопрос. Этот мужчина был одним из настоящих вампиров – живым трупом. Будет ли солнечный свет оказывать то же действие на еще не умерших вампиров?

Впервые за много месяцев чувствуя радостное возбуждение, Невилл бегом помчался к фургону.

Захлопнув дверцу, он спросил себя, не следует ли убрать покойника. Может, труп привлечет других и они завладеют склепом? Нет, они в любом случае не подойдут к гробу – он запечатан чесноком. Кроме того, теперь мужчина мертв по-настоящему, его кровь – кровь мертвеца, и...

Логическая цепь снова оборвалась – он наткнулся еще на один вывод. Должно быть, солнечный свет что-то делает с их кровью!

Тогда получается, что все связанное с ними имеет какое-то отношение к крови?! Чеснок, крест, зеркало, колья, дневной свет, земля – некоторые из них спят в могильных ямах. Он не понимал, какая между всем этим связь, но все же...

Придется очень много прочесть, провести множество исследований. Возможно, такие занятия его излечат. Он давно планировал за это взяться, но в последнее время, казалось, напрочь выбросил все проекты из головы. А сейчас новая идея возродила в нем тягу к знаниям.

Невилл завел машину и понесся по улице. Свернул в жилые кварталы. Затормозил перед первым попавшимся домом.

Вбежал в ворота, подскочил к двери, но она была заперта и никак не поддавалась. Подывая от нетерпения, он помчался к соседнему дому. Не заперто. Пробежал через затемненную гостиную к покрытой ковром лестнице, взбежал наверх, перемахивая через две ступеньки зараз.

В спальне он обнаружил женщину. Без колебаний сорвал с нее одеяло и схватил ее за руки. Ударившись об пол, она замычала. И продолжала тихо стонать все время, пока он волок ее по коридору и вниз по лестнице.

Когда он втащил женщину в гостиную, она зашевелилась.

Ее пальцы сомкнулись вокруг его запястий, тело стало извиваться и биться на ковре. Глаза были по-прежнему закрыты, но она хрипела и бормотала, пытаясь вырваться. Темные ногти вонзились в кожу Невилла. Он с воплем высвободился и дальше волок ее за волосы. Обычно Невилл испытывал угрызения совести от осознания, что эти люди, невзирая на постигшее их непонятное бедствие, – такие же, как и он сам. Но сейчас, охваченный неистовством экспериментатора, он не мог думать ни о чем постороннем.

Однако у него мороз пошел по коже от придушенного крика ужаса, вырвавшегося у женщины, когда он швырнул ее на тротуар.

Она беспомощно корчилась на мостовой, то сжимая, то разжимая кулаки, закусив губы. Роберт Невилл напряженно наблюдал за ней.

Его кадык дернулся. Нелегко было долго удерживать в себе такую бессердечную жестокость. Глядя на женщину, он кусал губы.

«Ну да, она страдает, – возражал он сам себе, – но она – одна из этих, она охотно меня прикончит, если подвернется случай. Иной точки зрения быть не может».

Стиснув зубы, он стоял и наблюдал за ее агонией.

Через несколько минут она перестала шевелиться, перестала бормотать, а ее руки медленно разжались, растопылив пальцы, как белые лепестки. Цветы на асфальте. Роберт Невилл нагнулся и нащупал сердце. Не бьется. Тело уже остывало.

Он выпрямился, неуверенно улыбаясь. Значит, идея верна. Ему больше не нужны колья. Наконец-то он нашел приемлемый способ.

Но тут же затаил дыхание. Откуда ему знать, мертва ли она на самом деле? Как это определишь до заката?

Эта мысль вызвала новый приступ раздражения. Почему каждый новый вопрос отравляет все удовольствие от ответов на предыдущие?

Он размышлял над этим, сидя в кабине и прихлебывая из банки томатный сок. Банку он взял в супермаркете, у которого припарковался.

Как узнать доподлинно? Нельзя же торчать здесь, рядом с женщиной, до заката.

«Отвези ее к себе домой, дурачина».

Невилл снова прикрыл глаза, тело сотрясла волна гнева. Сегодня он, как нарочно, упускал из виду все самоочевидные решения. Теперь придется возвращаться к черту на кулички и искать ее, а он даже не был уверен, что запомнил адрес дома.

Он завел мотор и выехал с автостоянки, покосившись на часы. Три часа дня. Вполне хватает времени, чтобы вернуться раньше, чем они появятся. Он нажал на газ, фургон разогнался...

За полчаса отыскал нужный дом. Женщина все еще лежала на тротуаре, в прежней позе. Натянув перчатки, Невилл откинул заднюю дверцу фургона и шагнул к женщине. Взгляд задержался на ее фигуре.

«Нет, не надо об этом думать, ради бога».

Он втащил труп в фургон. Закрыл дверцу, снял перчатки. Вынул часы, глянул на них. Три часа. Времени еще навалом...

Он бешено стиснул часы, приложил к уху. Сердце в груди екнуло.

Часы стояли.

5

Трясущейся рукой Невилл повернул ключ зажигания. Пальцы судорожно сжали руль. Он с трудом развернулся и помчался обратно в Гардену.

Какого же дурака он сваял! Дорога до кладбища заняла по крайней мере час. В склепе он просидел, видимо, несколько часов. Потом возился с женщиной. Пока съездил в супермаркет, пока пил томатный сок, пока возвращался за вампиркой...

Сколько времени прошло?

Идиот! Невилл вообразил, как они уже поджидают у его дома, и по венам потек ледяной ужас. О боже, он ведь оставил гараж открытым! Бензин, запчасти – и ГЕНЕРАТОР!

Подавив глухой стон, он выжал педаль газа до упора, и маленький фургон рванулся вперед. Стрелка спидометра, дрогнув, решительно скакнула за отметку шестидесяти пяти миль... Семьдесят... уже семьдесят пять. Что делать, если они уже ждут? Как тогда попасть к себе домой?

Невилл принуждал себя сохранять спокойствие.

«Нельзя сейчас терять голову; держись. Ты попадешь домой. Не волнуйся, попадешь», – говорил он себе. Но не мог придумать ни одного способа.

Он нервно поскреб затылок.

«Ну что ж, прекрасно, лучше некуда, – буркнул голос разума. – Ты столько корпел, чтобы обеспечить свое существование, а потом – бац! – однажды просто не успел домой вовремя».

«Заткнись, разум!» – рявкнул он.

Но Роберт Невилл действительно был готов сам себя пришибить за то, что вчера позабыл завести часы.

«Не утруждайся, – задумчиво обронил рассудок, – они охотно помогут тебе уйти из жизни».

Неожиданно он ощутил, что почти обессилел от голода. После томатного сока он поел мясных консервов, но банка была малюсенькая – только аппетит раздражила.

Мимо летели безмолвные улицы. Он крутил головой из стороны в сторону, проверяя, не появляются ли они из дверей. Вокруг, казалось, прямо на глазах становилось темнее, но, возможно, это лишь иллюзия от нервов. Не может быть, чтобы уже наступал вечер. Не может быть.

Едва его фургон, со свистом рассекая воздух, свернул с бульвара на Вестерн-авеню, Невилл заметил какого-то мужчину: тот выскочил из дома, что-то крикнул вслед. Ледяная рука стиснула сердце Невилла. Крик вампира, как флаг, затрепетал в воздухе.

Невилл выжимал из фургона всю возможную скорость, быстрее не получится. А воображение рисовало одну страшную картину за другой. Стоит проколоть крышку, и... фургон вылетит на тротуар, врежется в какой-нибудь дом. Невилл закусил дрожащие губы, стараясь совладать с паникой. Руки на руле, казалось, одеревенели.

На углу Симаррон-стрит пришлось сбавить скорость. Краем глаза он увидел, как из одного дома выскочил мужчина, погнался за машиной.

Липнущие к дороге крышки жалобно завизжали – Невилл повернул за угол. И задохнулся от ужаса.

Все они стояли перед домом, выжидая.

Из его горла вырвался крик беспомощного ужаса. Он не хотел умирать. Да, мысль о смерти его посещала. Да, он даже обдумывал такой вариант. Но он не хотел умирать. По крайней мере, не такой смертью.

И вот он видит, как они, все до единого, обращают свои белые лица к дороге, заслышав звук мотора. Еще несколько вампиров выбежало из открытой двери гаража, и он в бессильной ярости стиснул зубы. Погибнуть так по-глупому, просто потому, что ты бестолочь!

Роберт Невилл смотрел, как они бегут прямо к фургону, перегораживая улицу живой цепью. И внезапно понял, что не может остановиться. Надавил на акселератор, и через миг машина прорвалась через их шеренгу, опрокинув троих вампиров – прямо как кегли. Он почувствовал, как при столкновении содрогнулся фургон. За стеклом промелькнули бледные лица, искаженные криком. Как они вопят: мороз по коже.

Теперь они остались позади и, как он видел в зеркале заднего вида, погнались за ним всем скопом. Внезапно в его голове возник план, и он ни с того ни с сего замедлил ход, даже притормозил, пока скорость не упала до двадцати миль в час.

Оглянувшись, Невилл увидел, что его нагоняют, увидел приближающиеся серовато-белые рожи, налитые мраком глаза, неотрывно разглядывающие его машину и его самого.

Вдруг он судорожно вздрогнул от раздавшегося совсем рядом воя и, резко повернув голову, увидел за боковым стеклом безумное лицо Бена Кортмана.

Нога Невилла инстинктивно нажала на газ, но другая соскользнула с педали сцепления, и машина – крепко встряхнув водителя – совершила последний рывок вперед и замерла.

Пот полился со лба, когда он лихорадочно дернулся к кнопке стартера. Бен Кортман вцепился в его рукав.

Невилл с воплем оттолкнул холодную белую руку.

– Невилл, Невилл! – Бен Кортман снова тянулся к нему, его пальцы напоминали ледяные когти. И снова Невилл, отпихнув его руку, все-таки ткнул в кнопку стартера – его тело бессильно содрогалось. За спиной он слышал возбужденный визг – они подбегали к машине.

Мотор возвестил кашлем, что вернулся к жизни, а длинные ногти Бена Кортмана чиркнули по щеке Роберта.

– Невилл!

От боли его рука судорожно сжалась в кулак, и он ударил Бена в лицо. Кортман покатился по мостовой – а тем временем шестеренки завертелись и фургон рванул вперед, набирая скорость. Один из вампиров, догнав машину, прицепился сзади. Он провисел там около минуты, и Роберт Невилл смог ясно разглядеть за стеклом его пепельное лицо, сверкающие безумные глаза. Невилл направил машину к бровке тротуара, резко вильнул и стряхнул вампира. Тот пролетел над газоном, выставив перед собой руки, и со всего размаху врезался в стену.

Сердце Роберта Невилла готово было выскочить из грудной клетки. Дыхание перехватывало, тело одеревенело и похолодело. Он ощущал, что по щеке струится кровь, но боли не испытывал. Поспешно утер кровь дрожащей рукой.

Фургон вылетел на перекресток и свернул направо. Невилл задержал взгляд на зеркале заднего вида, затем посмотрел вперед. Он миновал небольшой квартал и снова повернул направо, на Хаас-стрит. Что, если они побегут напрямик, дворами и преградят ему путь?

Невилл немного притормозил, пока не увидел, что из-за угла выбегает толпа. Нажал на акселератор. Остается надеяться, что в погоню бросились все. Вдруг кто-то из них догадается о его замысле?

Он до упора нажал на газ, и фургон, встрепенувшись, рванулся вперед. Свернул за угол со скоростью пятьдесят миль в час, пулей помчался вправо.

Невилл затаил дыхание. На газоне перед его домом никого не было.

Значит, шансы еще есть. Правда, с фургоном придется попрощаться – разве успеешь загнать его в гараж?

Он прижал машину к бровке тротуара и распахнул дверцу. Обегая машину, услышал надвигающийся, как штормовая волна, вой – догоняют, они уже на перекрестке.

Придется рискнуть головой, чтобы запереть гараж. В противном случае они могут разбить генератор, который, скорее всего, еще цел – вряд ли они успели взяться за него до появления Невилла. Он помчался к гаражу со всех ног.

– Невилл!

Он невольно отпрянул – из темного гаража к нему устремился Кортман.

Они столкнулись, и Кортман чуть не сбил Роберта с ног. Невилл почувствовал, как холодные могучие пальцы стиснули его горло, ощутил у своего лица чужое зловонное дыхание. Сцепившись, они покатались назад к тротуару, и к горлу Роберта Невилла потянулась клыкастая пасть.

Он выбросил вперед правый кулак и почувствовал, что попал в горло. Услышал, как в горле у Кортмана захрипело. Но тут подоспели преследователи: первый, завывая, уже выбежал из-за угла.

Лихорадочным движением Роберт Невилл ухватил Кортмана за длинные сальные волосы и отшвырнул в сторону улицы таким мощным броском, что Бен чуть не протаранил головой дверцу фургона.

Затем молниеносно окинул взглядом улицу.

Нет времени на гараж! Он скользнул за угол дома, взбежал на крыльцо.

И, закрипев подошвами, резко остановился.

«О господи, ключи!»

В ужасе, захватив ртом побольше воздуха, он повернулся и ринулся назад к машине. Кортман с гортанным воем привстал, и тогда Невилл, засадив коленом в белое лицо, вновь опрокинул Кортмана на тротуар. А сам молнией влетел в машину, схватил брелок с ключами.

Когда он выбирался из машины, на него бросился первый из преследователей.

Невилл, отпрянув, прижался к спинке сиденья, и нападающий, споткнувшись о его ноги, неуклюже растянулся на тротуаре. Роберт Невилл выпрыгнул из машины, перебежал газон, взлетел на крыльцо.

Он не сразу нащупал ключ от дома, и по ступенькам крыльца взбежал второй преследователь. Всем телом придавил Невилла к стене. Горячее, пропахшее кровью дыхание снова обожгло его кожу, оскаленная пасть примерялась к горлу. Он ударил вампира коленом в пах, а потом, упираясь плечами в стену, поднял ногу и толкнул ею согнувшегося от боли противника на его сотоварища, бегущего по газону.

Невилл шмыгнул к двери и отпер ее. Распахнул, скользнул внутрь, обернулся. Только собрался захлопнуть дверь, как в щель просунулась чья-то рука. Он изо всей силы нажал на дверь, пока не услышал треск костей; тогда Невилл чуть приоткрыл дверь, чтобы вытолкнуть сломанную руку наружу, и тут же снова захлопнул ее. Дрожащими руками он задвинул засов.

И медленно осел, распластался по полу. Он лежал в темноте, его грудь вздымалась и опускалась, руки и ноги растопырились, как у марионетки. На крыльце выли, барабанили кулаками в дверь, в пароксизме безумной ярости выкрикивая его имя. Хватали камни и кирпичи, швырялись ими в стены, вопили и проклинали его. Он лежал, слушая, как они с воем бомбардируют дом камнями и кирпичами.

Спустя несколько минут Роберт Невилл с трудом заковылял к бару. Половину виски пролил на ковер. Залпом выпил стакан и долго стоял, поеживаясь, держась за стол, – ноги подкашивались, в горле застрял комок, губы неудержимо тряслись.

Мало-помалу тепло виски проникало в желудок, разливалось по телу. Дыхание замедлилось, дрожь прекратилась.

И тут его снова затрясло: с улицы донесся ужасающий грохот.

Подбежал к глазку, посмотрел, в ярости закрипел зубами: фургон лежал на боку, а они кирпичами и камнями долбили по лобовому стеклу, взламывали капот, как сумасшедшие плющили двигатель ударами дубинок, ожесточенно корежили раму. Он смотрел – и ярость заливала его душу пылающей кислотой, обрывки ругательств вырывались из горла, руки сжимались в огромные побелевшие кулаки.

Внезапно он встрепенулся, подошел к лампе и попробовал включить ее. Не горит. Он с воплем кинулся на кухню. Холодильник не работал. Невилл метался из одной темной комнаты в другую. Морозильная камера отключилась: вся еда испортится. Его дом умер.

Он вскипел. Хватит!

Его трясущиеся от гнева пальцы выбрасывали из ящика комода одежду, пока не нащупали заряженные пистолеты.

Пробежав через темную гостиную, Невилл сбросил с двери засов, с шумом швырнув этот толстый брус на пол. Услышав, что дверь открывается, они взвыли.

«Я иду к вам, сволочи!» – повторял он мысленно.

Резко распахнув дверь, выстрелил в лицо первому попавшемуся. Тот кубарем полетел с крыльца, а перед Невиллом появились две женщины в грязных изодранных платьях, норовя обхватить его своими бледными руками. Он смотрел, как задергались их тела, приняв в себя пули, потом отпихнул обеих и стал стрелять из двух пистолетов в самую гущу толпы. Его бескровные губы разорвал дикий крик.

Он стрелял и стрелял, пока не кончились патроны. Тогда он вышел на крыльцо, нанося безрассудные удары направо и налево, и чуть не спятил окончательно, когда к нему устреми-

лись только что застреленные им вампиры. Когда у него вырвали пистолеты, он пустил в ход кулаки и локти. Бодал врагов головой, пинал своими огромными ботинками.

И лишь когда его пронзила боль в располосованном плече, Невилл понял, что натворил, понял, что его порыв обречен на провал. Отшвырнув двух женщин, он попятился к двери. На его шее сомкнулись чьи-то пальцы. Он, пригнувшись, рванулся вперед и перебросил нападающего через голову. Тот упал в гущу сотоварищей. Одним прыжком Невилл снова оказался на пороге, уперся руками в дверные косяки и заработал ногами, как поршнями, – противники один за другим полетели в кусты.

Затем, прежде чем они вновь ринулись к нему, захлопнул дверь перед их носом, запер на замок и задвинул тяжелый засов.

Роберт Невилл стоял в холодной тьме своего дома, вслушиваясь в визг вампиров.

Он прислонился к стене, медленно и слабо ударяя кулаками по штукатурке. По его заросшим щекам струями сбегали слезы, в кровоточащей руке пульсировала боль. У него не осталось ничего на свете, вообще ничего.

– Вирджиния, – всхлипывал он, как испуганный, потерявшийся ребенок. – Вирджиния. Вир-джи-ни-я.

Часть вторая Март 1976 года

6

Наконец-то в доме снова можно жить.

И даже лучше, чем раньше, – он потратил целых три дня, но все-таки обил стены звуко-изолирующим покрытием. Пусть теперь они воют и стонут, сколько пожелают, – он их слышать не будет. Особенно радовало, что больше не придется наслаждаться голосом Бена Кортмана.

Все это стоило больших затрат времени и сил. Прежде всего понадобилась новая машина – вместо той, что они разбили. Достать ее оказалось труднее, чем предполагал Невилл.

Пришлось ехать аж в Санта-Монику – там находился единственный известный ему магазин фирмы «Виллис». Он всю жизнь имел дело только с фургонами «виллис», а теперь как-то не до экспериментов. Конечно, он не мог дойти до Санта-Моники пешком, и потому оставалось только одно – довериться любой из брошенных машин, что в изобилии стояли на улицах его квартала. Но те, по большей части, не годились для поездки: у одной сел аккумулятор, у другой засорился бензонасос, бак пустой, покрышки лысые.

В конце концов в одном гараже в миле от своего дома он нашел машину, которую смог стронуть с места, и тут же поехал в Санта-Монику – подыскивать другой фургон. Поставил в свой новый «виллис» новый аккумулятор, наполнил бак бензином, набил багажник канистрами с горючим и вернулся домой примерно за час до заката.

Он принял все меры предосторожности, чтобы не опоздать.

К счастью, генератор уцелел. Вероятно, вампиры не сознавали, сколько он значил для Невилла: никакого ущерба они ему не причинили, если не считать оборванного провода и нескольких вмятин. Невилл умудрился починить генератор на следующее же утро после нападения, и поэтому замороженные продукты не испортились. За это он был благодарен судьбе – он точно знал, что теперь, когда электростанции встали, замороженные продукты больше нигде не достанешь. В тот же день он навел порядок в гараже: выбросил все, что осталось от запасных лампочек, пробок, проводов, штепсельных вилок, банок с припоем, автомобильных запчастей – и, как ни странно, обломки коробки с семенами, которую неизвестно когда и зачем поставил в гараж.

Стиральную машину они отделали так, что нечего было и ремонтировать – пришлось ее заменить. Но это-то дело не сложное. Противнее всего было вытирать разлитый ими бензин.

«Они просто сами себя превзошли, когда взялись выливать бензин на пол», – раздраженно думал Невилл, в сотый раз выжимая тряпку.

Наводя порядок в самом доме, он замазал трещины в штукатурке. А в качестве дополнительного подарка себе освежил гостиную – наклеил на стену новые фотообои.

Стоило начать работу, как он обнаружил, что почти радуется всем этим занятиям. В них можно было погрузиться с головой, сжигая энергию, которую неустанно поставляла клокочущая ярость. А еще это было отрадное дополнение к монотонной рутине его ежедневных обязанностей «отвезти трупы, навести порядок вокруг дома, развесить чеснок».

В эти дни он пил умеренно, умудряясь почти весь день обходиться без спиртного. И даже вечерние застолья из бессмысленных попыток сбежать от себя превратились в умиротворяющие посиделки с рюмочкой на сон грядущий. Аппетит у него улучшился, он пополнил на четыре фунта, одновременно лишившись небольшого брюшка. Он даже спал по ночам – усталым сном, без сновидений.

День-два он тешил себя идеей переезда в какой-нибудь шикарный отель. Но, представив себе, сколько придется возиться, чтобы привести его в жилой вид, передумал. Нет, он уже прирос к этому дому.

Теперь Роберт Невилл сидел в гостиной, слушал Моцарта – симфонию «Юпитер» – и размышлял, как же, от какой печки начать свои исследования.

Ему известны некоторые детали, но это лишь наземные ориентиры над скрывающимися в глубине причинами.

Ответ в чем-то другом. Возможно, ключиком был какой-нибудь известный, но недооцененный им факт, какое-то обыденное явление, которое он еще не смог связать с общей картиной.

Но что же это?

Он неподвижно сидел в кресле, держа в руке запотевший стакан, пристально глядя на фотообои.

То был канадский пейзаж: глухой северный лес, погруженный в таинственный зеленый сумрак. Деревья стоят неподвижно и отчужденно, их ветви пригибает к земле глубокое безмолвие природы, не знающей человека. Невилл глядел в немые зеленые глубины леса и размышлял.

Может быть, если мысленно вернуться назад... Возможно, ответ лежит где-то в прошлом, в какой-то темной расселине его памяти.

«Тогда вернись, – приказал он себе, – вернись в старые времена».

Возвращаться было мучительно до боли – прямо сердце разрывалось.

Ночью опять разразилась пыльная буря. Сильные, бешеные вихри чистили дом песком, словно наждачной бумагой, сыпали песок в щели, загоняли его в поры штукатурки, и внутри вся мебель покрылась толстым пыльным чехлом. Пыль сочилась сверху на их постель, как мелкая пудра, застревая в волосах, прилипая к векам, забиваясь под ногти, закупоривая кожные поры.

Полночи он пролежал без сна, пытаясь различить сквозь шум стесненное дыхание Вирджинии. Но слышал только визгливый, скрипучий голос бури. На миг ему, повисшему между сном и пробуждением, почудилось, будто дом зажат между гигантскими жерновами, которые шлифуют его трясущийся каркас.

Он так и не смог привыкнуть к пыльным бурям. Этот звук дробильной мельницы, с которым налетал ураган, всегда резал ему слух. Они случались не так чтоб регулярно: заранее не подготовишься. И всякий раз, когда начиналась буря, он до утра беспокойно ворочался, а потом ковылял на завод, изнуренный душой и телом.

А теперь – еще и тревога за Вирджинию.

Часа в четыре утра он пробудился от неглубокого, унылого сна и понял, что буря кончилась. От непривычной тишины зашумело в ушах.

Раздраженно приподнявшись на постели, чтобы подтянуть съехавшие пижамные штаны, он заметил, что Вирджиния не спит. Лежит на спине, глядя в потолок.

– Что с тобой? – сонно пробормотал он.

Она не ответила.

– Что с тобой, малыш?

Вирджиния медленно перевела взгляд на него.

– Ничего, – сказала она. – Спи.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все так же.

– А-а.

Какое-то время Роберт лежал, глядя на нее.

– Ну ладно, – сказал он и, перевернувшись на другой бок, закрыл глаза.

В шесть тридцать зазвонил будильник. Обычно на кнопку нажимала Вирджиния, но, поскольку она этого не сделала, Невилл сам утихомирил будильник, перегнувшись через ее вялое тело. Она по-прежнему лежала на спине, по-прежнему смотрела в потолок.

– Что такое? – забеспокоился он.

Вирджиния взглянула на него и покачала головой, не отрывая ее от подушки.

– Не знаю, – сказала она. – Просто не могу заснуть.

– Почему?

Она что-то нерешительно пробормотала.

– Опять слабость? – спросил он.

Вирджиния попыталась сесть, но не смогла.

– Лежи, малыш. Не шевелись. – Он положил ей руку на лоб. – Жара нет.

– Я не чувствую себя больной, – сказала она. – Просто... усталость.

– Ты бледная.

– Знаю. Я на привидение похожа.

– Не вставай, – сказал он.

Она встала.

– Не хочу, чтобы со мной нянчились, – упрямо заявила она. – Давай одевайся. Со мной все будет нормально.

– Малыш, если тебе плохо, лучше не вставай.

Она погладила мужа по руке и улыбнулась.

– Со мной все будет нормально. Давай-ка собирайся на свою работу.

Бреясь, Роберт услышал, что мимо прошуршали ее тапочки. Он открыл дверь и увидел, как жена, закутанная в халат, слегка пошатываясь, очень медленно пересекает гостиную. Он вернулся в ванную, неодобрительно покачав головой. Ей лучше не вставать.

Раковина казалась закопченной: опять пыль. От этой дряни нигде спасения нет. В конце концов ему пришлось соорудить над кроватью Кэти полог – чтобы пыль не садилась ей на лицо. Для этого Роберт разрезал палатку надвое и прибил верхний край к стене над кроватью, а нижний закрепил булавками на боковине матраса.

Он не смог как следует побриться, потому что к мылу прилип песок, а второй раз намыливать щеки было уже некогда. Невилл умылся, достал из шкафа в коридоре чистое полотенце, утер лицо.

Прежде чем вернуться в спальню и одеться, он заглянул в комнату дочери.

Кэти еще спала. Ее маленькая светловолосая головка неподвижно лежала на подушке, щеки размякли от глубокого сна. Он провел пальцем по наружной стороне полога и тут же отдернул его – палец посерел от пыли. Недовольно потряхнув головой, он вышел из комнаты.

– Когда же кончатся эти чертовы бури, – проворчал Роберт, десять минут спустя войдя в кухню. – Я уверен...

Он умолк. Обычно жена стояла у плиты – переворачивала омлет, или тосты, или блинчики или варила кофе. Сегодня она сидела за столом. На плите грелся кофейник – и больше ничего.

– Милая, если тебе нехорошо, иди опять приляг, – сказал он ей. – Я могу сам себе организовать завтрак.

– Все в порядке, – ответила она. – Я просто отдыхала. Извини. Сейчас встану и поджарю тебе яичницу.

– Сиди, – остановил он жену. – Я не безрукий.

Он подошел к холодильнику и открыл дверцу.

– Что же это за напасть такая? – вздохнула Вирджиния. – У половины людей в нашем квартале то же самое, а ты говоришь, что у тебя на заводе каждый второй не выходит на работу.

– Может, вирус какой-нибудь? – предположил он.

– Не знаю. – Она покачала головой.

– То бури, то москиты, то все хворают – жизнь превращается в сплошное мучение, – сказал Роберт, наливая себе из бутылки апельсиновый сок. – Гляди-ка: легок на помине.

Он выловил из наполненного соком стакана черную крошку – насекомое.

– Ума не приложу, как только они забираются в холодильник.

– Боб, я ничего не буду, – сказала Вирджиния.

– Апельсиновый сок не будешь?

– Не буду.

– Тебе от него полегчает.

– Нет, спасибо, милый, – повторила она, попытавшись улыбнуться.

Роберт поставил бутылку обратно в холодильник и сел напротив жены, зажав в руке стакан.

– У тебя ничего не болит? – спросил он. – Может, голова или еще что-нибудь?

Вирджиния отмахнулась рукой.

– Если б я только знала, в чем дело, – сказала она.

– Вызови сегодня доктора Буша.

– Вызову, – согласилась она, привставая со стула. Невилл накрыл ее руку своей.

– Нет, милая, нет. Сиди себе, – сказал он.

– Но нет же никакой причины. Просто мутит.

Она говорила сердитым тоном. Сколько он ее знал, Вирджиния всегда была такая. Если заболела, то злилась на болезнь. Воспринимала недомогание как личное оскорбление.

– Давай-ка я доведу тебя до постели, – предложил он, приподнимаясь с табурета.

– Нет. Позволь мне немножко посидеть тут с тобой, – попросила она. – Когда Кэти уйдет в школу, я снова прилягу.

– Ну ладно. Ты правда ничего не хочешь?

– Ничего.

– А кофе?

Она покачала головой.

– Не будешь есть, захвораешь по-настоящему, – сказал он.

– Я просто не голодна.

Роберт допил сок и встал, чтобы приготовить яичницу. Разбил два яйца в глубокую сковороду с топленным салом. Достал из ящика хлеб и вернулся с ним к столу.

– Давай в тостер положу, – сказала Вирджиния. – Следи за... О боже.

– Что такое?

Она слабо обмахнула рукой лицо.

– Москит, – пояснила она, поморщившись.

Он подошел к ней и через миг раздавил москита между своими ладонями.

– Москиты, – проговорила она. – Мухи, песчаные блохи.

– Мы вступаем в эпоху насекомых.

– Это плохо, – продолжала она. – Они переносят болезни. Надо бы сделать вокруг кровати Кэти еще и сетку.

– Знаю, знаю. – Роберт вернулся к плите и слегка наклонил сковороду, чтобы растопленное сало залило белые пузыри яиц. – Я все время собираюсь.

– По-моему, этот аэрозоль тоже не действует, – сказала Вирджиния.

– Не действует?

– Нет.

– Господи, он считается одним из лучших.

Невилл выложил яичницу на тарелку.

– Тебе точно не хочется кофе? – спросил он жену.

– Нет, спасибо.

Он сел, и она протянула ему намазанный маслом тост.

– Надеюсь, мы не возвращаем племя супержуков, черт бы их всех побрал, – проворчал он. – Помнишь, как в Колорадо нашли гигантских кузнечиков?

– Да.

– Возможно, насекомые... как это называется? Мутируют.

– Что это такое?

– Ну, это значит, что они... меняются. Ни с того ни с сего. Перепрыгивают через десятки маленьких эволюционных ступенек, возможно, начинают развиваться в направлениях, по которым никогда бы не устремились, если бы не...

Молчание.

– Если бы не бомбежки? – спросила она.

– Может быть, – отозвался он.

– Ну, они вызывают пыльные бури. Они наверняка много чего вызывают.

Вирджиния утомленно вздохнула и покачала головой.

– А еще говорят, что мы выиграли войну, – добавила она.

– Войну никто не выиграл.

– Ее выиграли москиты.

Он слегка улыбнулся.

– Верно. Они самые, – сказал он.

Они молча просидели несколько минут. Единственным звуком в кухне был стук его вилки о тарелку и чашки о блюде.

– Ты заглядывал к Кэти вчера вечером? – спросила она.

– Я только что к ней заглянул. Прекрасно выглядит.

– Это хорошо.

Вирджиния посмотрела на него изучающим взглядом.

– Я все думаю, Боб, – сказала она. – Может, нам следует послать ее на восток, к твоей матери, пока я не поправлюсь? Вдруг это заразно.

– Можно, конечно, – протянул он с сомнением, – но если это заразно, у моей матери она будет не в большей безопасности, чем здесь.

– Ты правда так считаешь? – спросила она. У нее был озабоченный вид.

Он пожал плечами.

– Не знаю, малыш. Мне кажется, что, скорее всего, здесь риск не выше, чем там. Если в нашем районе ситуация ухудшится, перестанем пускать ее в школу.

Вирджиния хотела было что-то сказать, но передумала.

– Ну хорошо.

Роберт взглянул на часы.

– Надо поторапливаться.

Она кивнула, и он быстро доел завтрак. Пока он торопливо глотал кофе, Вирджиния спросила, покупал ли он вчера вечером газету.

– Лежит в гостиной, – ответил он.

– Есть что-нибудь новое?

– Нет. Все как раньше. Это наблюдается по всей стране, очаг тут, очаг там. Они еще не смогли обнаружить возбудителя.

Вирджиния закусила нижнюю губу.

– Никто не знает, что это такое?

– Видимо, никто. Если бы кто-то знал, наверняка давно бы рассказал.

– Но есть же какие-то предположения?

– Предположения есть у всех и каждого. Только они и яйца выеденного не стоят.
– А что говорят?
Роберт передернул плечами:
– Ты им веришь?
– Насчет биологического оружия?
– Да.
– Война же закончилась.
– Боб, – сказала она неожиданно, – может, тебе лучше не ходить на работу?
Он беспомощно улыбнулся.
– А что еще мне делать? – спросил он. – Надо же нам что-то есть.
– Я знаю, но...
Он перегнулся через стол и ощутил губами, какая же холодная у нее рука.
– Малыш, все будет хорошо, – сказал он.
– Ты думаешь, надо посылать Кэти в школу?
– Думаю, что надо, – ответил он. – Пока санитарное управление не прикажет закрыть школы, я не вижу причин держать ее взаперти. Она не больна.
– Но в школу ходят всякие дети.
– Все равно, по-моему, ей лучше пойти.
Из ее горла вырвался еле слышный звук. Потом она сказала:
– Хорошо. Раз ты так считаешь.
– Больше ничего не надо сделать? – спросил он. – Если нет, то я пойду.
Вирджиния покачала головой:
– Не надо.
– Оставайся сегодня дома, в постели.
– Конечно, – ответила она. – Как только отправлю Кэти в школу.
Он погладил ее по руке. На улице раздался гудок автомобиля. Роберт допил кофе и пошел в ванную прополоскать рот. Потом взял из шкафа в коридоре свою куртку и натянул ее.
– Пока, малыш, – сказал он, поцеловав жену в щеку. – Выше нос.
– До свидания, – сказала она. – Будь осторожен.
Он зашагал через газон, скрежетом зубным выражая свое отношение к висящей в воздухе пыли. Он прямо-таки ощущал ее запах, сухо щекочущий в носу.
– Утро доброе, – поздоровался он, забравшись в машину и захлопнув за собой дверцу.
– Доброе утро, – ответил Бен Кортман.

7

«Изготавливается из *Allium sativum*², растения из семейства амариллисовых и подсемейства луковых. В это подсемейство входят чеснок, лук-порей, лук репчатый, лук-шалот и лук-резанец. Светлого цвета, обладает резким запахом. Содержит несколько аллилсульфидов. Состав: вода – 64,6 %; белки – 6,8 %; жиры – 0,1 %; углеводы – 26,3 %; клетчатка – 0,8 %; зола – 1,4 %».

Вот оно. Невилл подбросил на ладони розовый жесткий зубчик. Уже семь месяцев он делает из этих зубчиков пахучие ожерелья и обвешивает ими свой дом снаружи, а сам даже отдаленно не догадывается, почему же они отгоняют вампиров. Давно пора докопаться.

Он положил зубчик на край раковины. Лук-порей, лук репчатый, лук-шалот, лук-резанец. Будут ли они действовать так же хорошо, как чеснок? Если да, то он окажется самым

---

² Чеснок посевной (лат.).

настоящим идиотом – столько миль прочесать в поисках чеснока, когда репчатый лук растет на каждой грядке.

Он размял зубчик ножом, превратив его в мягкую кашу, понюхал едкую жидкость, залившую толстое лезвие.

Ну ладно, а что дальше? Воспоминания ничем не могли ему помочь – в памяти всплывали лишь разговоры о вирусах и о том, что инфекцию переносят животные. Но животные тут ни при чем. В этом он уверен.

Зато воспоминания принесли с собой боль. Каждое воскресшее в памяти слово вонзалось в сердце, как зазубренный клинок. При каждой мысли о Вирджинии вскрывались старые раны. Под конец он замер на месте, закрыв глаза, сжав кулаки, отчаянно пытаясь принять настоящее таким, какое оно есть, и больше не томиться душой и телом по прошлому. Но отогнать парализующую тоску удалось только с помощью энной дозы алкоголя, начисто отшибающей тягу к самоанализу.

Невилл пристально посмотрел на стену перед собой.

«Ладно, к чертям собачьим, – сказал он себе, – давай хоть что-нибудь сделай!»

Снова заглянул в книгу. Может быть, причина в воде? Нет, глупости, вода во всем содержится. Белки? Нет. Жиры? Нет. Углеводы? Нет. Клетчатка? Нет. Что же это в таком случае?

«Своим характерным запахом и вкусом чеснок обязан эфирному маслу, составляющему до 0,2 % его массы и состоящему в основном из аллилсульфида и аллилизотиоцианата».

Возможно, разгадка в этом.

Снова книга: «Аллилсульфид можно приготовить путем нагревания горчичного масла и сульфида калия до 100 градусов».

Роберт Невилл бухнулся в кресло. Из его богатырской груди вырвался сердитый вздох.

«А кто мне раздобудет горчичное масло и сульфид калия? И оборудование для работы с ними? Молодчина, – выругал он сам себя. – Даже первого шага не можешь сделать».

Он с отвращением потянулся, встал, направился к бару. Начал было наливать себе виски, но тут же с грохотом поставил бутылку на место. Нет, боже сохрани, он не собирается слепо влачиться по тропке бездумного, бесплодного существования, пока его не прикончит старость или несчастный случай. Либо – либо. Либо он найдет разгадку, либо пошлет к черту всю эту тягомотину вместе с собственной жизнью.

Он сверил часы. Десять двадцать утра – времени навалом. Решительно прошел в коридор и просмотрел телефонный справочник. Это в Инглвуде.

Четыре часа спустя он поднял голову от рабочего стола. Теперь у него было растяжение шейных мышц и полный шприц аллилсульфида, а в душе – впервые за время его вынужденного уединения – чувство удовлетворения от удачной работы.

Он радостно сел в машину и поехал мимо домов, которые очистил и пометил мелом. Скорее всего, в очищенных кварталах снова укрываются вампиры. Но на облаву времени нет.

Затормозил, вошел в первый попавшийся дом и прошел в спальню. Там лежала молодая женщина с кровавой каймой вокруг губ.

Перевернув ее, Невилл задрал ей юбку и ввел аллилсульфид в мягкие, жирные ягодицы, потом снова перевернул на спину, отошел на шаг. Простоял около нее полчаса, внимательно наблюдая.

Ничего не произошло.

«Ерунда какая-то, – возмущался голос разума. – Я развешиваю вокруг дома чеснок, и вампиры не смеют приблизиться. А своими особенностями чеснок обязан маслу, которое я ей ввел. И все же никаких результатов».

Черт побери, никаких!»

Он отшвырнул шприц и, вздрагивая от ярости и разочарования, снова вернулся домой. До темноты сооружал перед газоном деревянный заборчик, развесил на нем связки лука.

Весь вечер он апатично провалился на кушетке, и только сознание того, что дел еще полно, не давало ему напиться до чертиков.

Утром Невилл вышел на крыльцо и увидел разбросанные по всему газону щепки.

Кресты. Один из них, золотой, поблескивающий в лучах утреннего солнца, он сейчас держал в руке. Кресты тоже отпугивают вампиров.

Почему? Есть ли здравая разгадка, в которую он может поверить, не поскальзываясь на банановых шкурках мистицизма?

Узнать это можно было только одним путем.

Он стащил женщину с кровати, притворяясь, что не замечает, как внутренний голос допытывается у него: «Почему ты всегда экспериментируешь на женщинах?»

Он не желал признавать никакой тайной подоплеки. Просто она первая ему попалаась.

«Первая? А как же мужчина в гостиной?»

«Бога ради! – вспыхнул он. – Я же не собираюсь ее насиловать!»

«Скрестил пальцы, Невилл? Постучал по дереву?»

Этот выпад он проигнорировал, начиная подозревать, что в его сознании прячется нечто чуждое, враждебное. В былые времена он назвал бы это совестью. Теперь она лишь досаждала. В конце концов, мораль рухнула вместе с обществом. Он сам себе нравственное мерило.

«Хорошая отговорка, Невилл!»

«Ох, заткнись!»

Но он не позволил себе просидеть весь день рядом с вампиркой. Привязав ее к креслу, уединился в гараже и долго возился с машиной, хотя необходимости в этом не было. Вампирка была в изодранном черном платье, и, когда она набирала в грудь воздух, слишком много всего становилось видно. С глаз долой – из сердца вон... Он знал, что эта поговорка – брехня, но все же, все же...

Наконец-то смирившись над ним, наступил вечер. Невилл закрыл гараж, вернулся в дом и запер переднюю дверь, задвинув тяжелый брус. Потом приготовил себе коктейль и сел на кушетку напротив женщины.

Крест, подвешенный к потолку, качался прямо перед ее лицом.

В шесть тридцать ее глаза открылись. Внезапно, как глаза спящего, который сразу после пробуждения должен взяться за важную работу; который выходит на сцену яви не вперева-лочку, а широким шагом, четко зная, что именно нужно сделать.

Тут она увидела крест и, неожиданно издав дребезжащий хрип, резко отвернулась. Ее тело в кресле скорчилось.

– Почему ты его боишься? – спросил Невилл, сам вздрогнув от звука собственного голоса: давненько его не слышал.

Она внезапно перевела взгляд на Невилла – взгляд, от которого его пробил дрожь. Ее горящие глаза, язык, облизывающий красные губы, кажущийся каким-то отдельным существом... Как она выгибалась, будто пытаясь дотянуться до Невилла. Из ее горла вырывался горланый рокот, похожий на ворчание собаки, защищающей свою кость.

– Крест, – нервно сказал он. – Почему ты его боишься?

Она напрягла свое связанное тело, ее пальцы скребли подлокотники кресла. Ни одного слова, только вздох за вздохом – хриплые, одышливые. Ее тело корчилось на кресле, глаза прожигали Невилла насквозь.

– Крест! – в гневе взревел он.

Он вскочил на ноги, стакан упал, забрызгав ковер. Негнущимися пальцами схватил веревку и стал трясти крестом перед ее носом. Она с испуганным ворчанием отдернулась и вжалась в кресло.

– Смотри на него! – завопил он.

Она в ужасе заскулила. Ее взгляд дико блуждал по комнате – огромные белые глаза со зрачками, похожими на пятна сажи.

Невилл ухватил ее за плечо и тут же отдернул руку. С руки сочилась кровь – из ран, оставленных ее зубами.

Под ложечкой закололо. Рука снова просвистела в воздухе, на этот раз хлестнув ее по щеке так, что голова склонилась набок.

Через десять минут он вышвырнул ее тело на крыльцо и снова захлопнул дверь перед их носом. Тяжело дыша, прислонился к двери. Благодаря звукоизоляции шум борьбы был едва слышен – они, как шакалы, дрались за добычу.

Потом он пошел в ванную и залил ранки от укусов спиртом, испытывая свирепое наслаждение от жгучей боли.

8

Невилл нагнулся, взял щепотку земли. Размял ее пальцами, превращая темные комочки в пыль. Интересно, многие ли из них спят в земле, как гласит легенда?

Он покачал головой. Лишь избранные из избранных.

Тогда как же соотносится со всем этим легенда?

Зажмурившись, разжал руку, медленной струйкой высыпая пыль на землю. Да есть ли вообще ответ? Если бы только он мог вспомнить, кто из них спал в земле – те, кто возвращался с того света? Тогда можно было бы построить теорию.

Но он не мог вспомнить. Еще один вопрос, не имеющий ответа. В добавление к тому, что пришел ему в голову вчера ночью.

Что будет делать вампир-мусульманин, если ткнуть ему в лицо крестом?

Лающий звук собственного смеха в утренней тишине заставил Невилла вздрогнуть.

«Боже мой, – подумал он, – как давно я не смеялся, сам не помню сколько».

Его смех походил на кашель больной гончей.

«Ну, в конце концов, это и есть мое подлинное лицо, – решил он. – Я тяжелобольной пес».

Сегодня утром, часа в четыре, случилась не очень сильная пыльная буря. Станным образом она многое воскресила в памяти. Вирджиния, Кэти, все те ужасные дни...

Он сам себя оборвал. Нет, не-ет. Именно мысли о прошлом и толкают его к бутылке. Он уж как-нибудь постарается смириться с настоящим.

Невилл снова поймал себя на том, что сам удивляется, почему решил цепляться за жизнь.

«Наверно, тут и причины никакой нет, – подумал он. – Я просто слишком туп, чтобы взять и со всем покончить. Ну-с, – он с наигранной бодростью хлопнул в ладоши, – что теперь делать?»

Затем оглянулся по сторонам, как будто на вымершей Симаррон-стрит можно было увидеть что-то стоящее.

«Ладно, – решил он вдруг, – посмотрим, верны ли слова насчет текущей воды».

Он зарыл в землю шланг и вывел его конец в маленький деревянный лоток. Из шланга вода текла по лотку, а оттуда, по другому шлангу, на землю. Закончив работу, он пошел в дом, принял душ, побрился и разбинтовал руку. Рана совсем зажила. Она его и так не особенно тревожила. Невилл уже много раз убеждался на опыте, что невосприимчив к инфекции.

В шесть тридцать он пошел в гостиную и устроился перед глазком. Слегка потянулся, ворча: суставы заныли. Ничего интересного не происходило, и он пошел налить себе стопочку.

Вернувшись к глазку, он увидел, как на газон вступает Бен Кортман.

– Выходи, Невилл, – пробормотал Роберт Невилл, и Кортман, как эхо, выкрикнул эту же фразу.

Невилл замер перед глазком, глядя на Бена Кортмана.

Бен не очень изменился. Его волосы все еще были черными, лицо – бледным, тело – тучным. Но теперь его физиономию украшала борода. Гуще всего она росла под носом, пожиже – на подбородке и щеках. Однако то была единственная по-настоящему новая деталь. В старые времена Бен всегда тщательно брился и благоухал одеколоном каждое утро, когда заезжал за Невиллом, чтобы подбросить его на завод.

Странно было вот так стоять и смотреть в дырочку на Бена Кортмана – на Бена, теперь ставшего для него более чем чужим. Когда-то он общался с этим человеком, ездил с ним на работу, болтал о машинах, о бейсболе, политике; позднее – об эпидемии, о том, как поживают Вирджиния и Кэти, о том, как себя чувствует Фрида Кортман, о том...

Он тряхнул головой. Нет смысла углубляться в эти дебри. Прошлое мертво, как Кортман. Невилл снова тряхнул головой.

«Мир сошел с ума, – подумал он. – Мертвые шатаются по улицам, а я и внимания не обращаю».

Возвращение покойников стало обыденным явлением. Как быстро человек примиряется с невероятным, если только наблюдает его достаточно часто! Невилл стоял себе у глазка, потягивая виски и раздумывая, на кого же похож Бен. Он уже некоторое время чувствовал, что Кортман кого-то ему напоминает, только никак не мог взять в толк кого.

Он передернул плечами. Какая, собственно, разница?

Роберт Невилл поставил стакан на подоконник и пошел на кухню. Там он пустил воду и вернулся к глазку. На газоне появились еще двое – мужчина и женщина. Никто из этих троих не разговаривал между собой. Вампиры никогда между собой не говорят. Они ходят и ходят вокруг дома, не давая отдыха своим ногам, огибая друг друга по кривой, словно волки, никогда даже не глядя друг на друга; их голодные глаза видят только дом и добычу внутри.

Тут Кортман заметил лоток со струей воды и подошел взглянуть на него. Через миг он поднял свое белое лицо на Невилла, и тот увидел, что Кортман ухмыляется.

Невилл весь напрягся.

Кортман прыгал через лоток – туда-обратно. Невилл почувствовал, что у него перехватывает горло. Сукин сын все понял!

Двигая негнушимися ногами, как поршнями, он доковылял до спальни и дрожащими руками вынул из ящика комода пистолет.

Кортман едва успел растоптать лоток, когда в его левое плечо ударила пуля.

Он с ревом отшатнулся назад и грохнулся на тротуар, болтая в воздухе ногами. Невилл выстрелил еще раз – пуля прожужжала по цементу в нескольких дюймах от извивающегося тела Кортмана.

Кортман с воплем привстал. Третья пуля угодила ему прямо в грудь.

Невилл стоял и смотрел, вдыхая едкий пистолетный дым. Но все поле обзора загрозила женщина, которая выступила вперед и начала срывать с себя платье.

Невилл попятился и захлопнул крошечный люк глазка. Он не мог позволить себе такое зрелище. В первую же секунду этого представления он вновь ощутил тот ужасный жар, гложущий его чресла, как жадный хищник.

Попозже он снова выглянул наружу и увидел, что Бен Кортман ходит взад-вперед, вызывая его на улицу.

Светила луна, и Невилл вдруг сообразил, кого ему напоминает Кортман. При этой догадке его грудь заходила ходуном от сдавленного смеха, и Невилл отвернулся, когда затряслись и плечи.

Боже мой – ОЛИВЕР ХАРДИ! Звезда короткометражек, которые он крутил на своем домашнем проекторе. Кортман был почти точной копией комика-коротышки. Вот только Харди еще толще. Отросшие усы довершали сходство.

Оливер Харди, опрокинутый на спину неодолимой лавиной пуль. Оливер Харди, всегда возвращающийся, чтобы ему еще добавили, возвращающийся после чего угодно. Искромсанный пулями, исколотый клинками, расплюснутый колесами машин, раздавленный падающими трубами и лодками, утонувший в воде, спущенный в канализацию. И всегда возвращающийся, упертый, весь в синяках. Вот кто такой Бен Кортман – отвратительно злобный Оливер Харди, многострадальная боксерская груша для всех кулаков и пинков.

Господи, да над этим животики надорвешь!

Невилл никак не мог перестать смеяться, потому что это было больше чем смех – это было освобождение. По его щекам текли слезы. Стакан в руке так дрожал, что Невилл весь облился виски и захохотал еще пуще. Тут стакан стукнулся о ковер – тело Роберта Невилла неудержимо корчилось от веселья, комната наполнилась задыхающимся, рвущим нервы хохотом.

Потом он заплакал.

Невилл вгонял их в живот, в плечи. В шею – одним ударом молотка. В ноги и в руки, и всегда результат был один и тот же: глянцево-блестящая поганая кровь, струями льющаяся по белой коже.

Он думал, что нашел разгадку. Дело было в потере крови, которой они питались; в кровотечении.

Но тут он набрел на ту женщину в зелено-белом домике. Когда Невилл вогнал в нее кол, разложение началось так внезапно, что он отшатнулся, изрыгнул из себя свой завтрак. А когда пришел в себя и взглянул на нее снова, увидел на постели словно бы дорожку из смеси соли и перца, примерно той же длины, какого роста была женщина. Тело испарилось. Ничего подобного он никогда еще не видел.

Потрясенный увиденным, он, пошатываясь, вышел из дома, просидел около часа в машине, осушил фляжку до последней капли. Но даже спиртное не могло отогнать стоящую перед глазами картину.

Как же быстро это случилось. Невилл еще слышал удар деревянного молотка, а женщина разложилась буквально у него на глазах.

Припомнился разговор с одним из заводских – черным, который когда-то был учеником балзамировщика. Тот рассказывал Роберту Невиллу о мавзолеях, где люди лежат в саркофагах в вакууме и потому совершенно не изменяются внешне.

– Но стоит только впустить чуть-чуть воздуха, и – хлоп! – они станут похожи на рассыпанную соль с перцем. Вот так!

И он щелкнул пальцами.

Следовательно, та женщина давно уже была мертва.

«Возможно, – пришло ему в голову, – она была одной из тех, с кого началась эпидемия чумы. Одному Богу известно, сколько лет она увиливала от смерти».

От потрясения у Невилла опустились руки: он ничего не мог делать в этот день, да и в последующие тоже. Затворился дома ипил, пока не наступало забытие, не обращал внимания, что на газоне скапливаются трупы, а дом ветшает. Целыми днями он сидел в кресле, обнявшись с бутылкой, и думал о той женщине. И как ни старался он себя преодолеть, сколько ни пил, все время думал и о Вирджинии тоже. Явственно видел, как входит в склеп, приподнимает крышку гроба...

Он подумал, что чем-то захворал – его трясло, как больного церебральным параличом.

Значит, так она выглядит? ВОТ ТАК?

9

Тишину золотого от солнца утра нарушают лишь птичьи трели. Ни дуновения; яркие цветы вокруг домов, кусты, темно-зеленые листья живых изгородей – все недвижно. Облако безмолвного зноя нависает надо всей Симаррон-стрит.

Сердце Вирджинии Невилл остановилось.

Он сел рядом с ней на кровать, глядя на ее белое лицо. Не выпускал из своей руки ее пальцы, все гладил их и гладил. Его тело не шевелилось, превратилось в окостеневший, бесчувственный сгусток плоти и костей. Его глаза не мигали, сжатые губы окаменели, а грудь при дыхании вздымалась так незаметно, что Невилл тоже казался мертвым.

С его мозгом что-то случилось.

В ту секунду, когда дрожащие пальцы Невилла ощутили, что сердце Вирджинии не бьется, его мозг словно окаменел. Медленно, на подгибающихся ногах, Невилл добрался до кровати и бухнулся на нее. И теперь, барахтаясь в паутине нечетких мыслей, он не понимал, как может здесь сидеть, не понимал, почему отчаяние до сих пор не втоптало его в землю. Но иступление не проходило. Вместе с Вирджинией замерли, в последний раз вздрогнув, вся жизнь и весь мир. Прошло тридцать минут; потом сорок.

Потом, медленно, как будто он исследовал какое-то природное явление, Роберт Невилл ощутил, что его собственное тело дрожит. Не обычной дрожью, когда в одном месте трепещет нерв, в другом – мышца. Эта дрожь сотрясала весь организм. Его тело беспрерывно трепетало: сгусток нервов, не подчиняющийся разуму, оставленный волей на произвол судьбы. Последними остатками разума Невилл понял, что это его защитная реакция.

Больше часа он просидел, как парализованный, уставившись на ее лицо.

И вдруг с глухим хрипом вскочил с кровати и вышел из комнаты.

Половина виски пролилась мимо стакана, в раковину. То, что каким-то образом все-таки попало в стакан, он выпил залпом. Тонкая огненная струйка юркнула в желудок, обжигая онемелое, обратившееся в полярный лед тело. Припадая на один бок, он неловко оперся о раковину. Дрожащими руками снова наполнил стакан доверху и осушил большими судорожными глотками.

«Это только сон», – тщетно пытался он протестовать. В его мозгу словно гудел чей-то голос.

– Вирджиния...

Он все время вертел головой, обшаривая взглядом комнату, словно искал что-то потерянное, словно пытался понять, куда же подевался выход из этого дома кошмаров. Из его горла вырывалось еле слышное недоверчивое ворчание. Он решительно сцепил трясущиеся руки.

Но они задрожали так, что глаз не мог уследить за их движениями. Отчаянно, словно спасаясь от удушья, Невилл втянул в себя воздух, разнял руки и прижал их ладонями к бедрам.

– Вир-джи-ни-я.

Он сделал маленький шаг вперед и громко вскрикнул, когда пол встал на дыбы под его ступнями. Вспышка боли в правом колене, и горячие колючки понеслись вверх по бедренным артериям. Подвывая, он поднялся на ноги и доковылял до гостиной. Там он застыл, как статуя посреди землетрясения, бесчувственным взглядом уставившись на дверь в спальню.

Перед его глазами опять предстала сцена из недавнего прошлого.

Гигантский костер трещит, клокочет желтыми языками пламени, шлет в небо густые, жирные клубы дыма. Маленькое тельце Кэти у него на руках. Подходит кто-то, вырывает ее у Невилла грубо, словно узел с тряпьем. Уносит его девочку, ныряет в темную мглу. А сам Невилл стоит и стоит, пока ужас не входит в него, точно свая в землю под методичными ударами горя.

Внезапно он с безумным воплем ринулся вперед.

– Кэти!

Чьи-то пальцы вцепились в его плечо, люди в масках и холщовых балахонах оттащили его обратно. Его волокли прочь от котлована, и ботинки неистово вгрызались в землю, оставляя на ней две ровные борозды. Его мозг взорвался, из горла вырвался крик.

Тут его челюсть онемела от неожиданного удара, дневное небо застлала ночная тьма. Виски горячо защекотал горло, он закашлялся, а потом оказался в машине Бена Кортмана. Безмолвный, закаменевший, Невилл глазел на великанскую дымную мантию, парящую над землей, как черный призрак отчаяния рода человеческого.

Отдавшись воспоминаниям, он вдруг зажмурился и до боли стиснул зубы.

– НЕТ.

Он не положит туда Вирджинию. Даже если за это убьют его самого.

Медленно переставляя негнувшиеся ноги, он дошагал до парадной двери и вышел на крыльцо. Соскочив на вянушую траву, двинулся вдоль улицы к дому Бена Кортмана.

От сияющего солнечного света его зрачки сузились, стали блестящими черными зернышками. Руки болтались по бокам, онемевшие и бесполезные.

Музыкальный звонок по-прежнему играл мелодию.

«Ах, как я трезв».

От абсурдности всего происходящего Невиллу захотелось что-нибудь разломать на части. Он вспомнил, как Бен устанавливал этот звонок, упиваясь своим остроумием.

Прямой – точно аршин проглотил – Невилл стоял перед дверью, и в его голове еще гремело: «Мне плевать, что таков закон, плевать, что отказ равнозначен смертному приговору, я не позволю бросить ее туда!»

Его кулак забарабанил в дверь.

– Бе-е-ен!

В доме Бена Кортмана стояла тишина. Белые занавески в окнах, выходящих на улицу, не колыхнулись. Он различал за окнами красную кушетку, торшер с украшенным бахромой абажуром, пианино фирмы «Кнабе», за которое Фрида садилась воскресными вечерами, когда хотела подурачиться. Он моргнул. А сегодня, какой сегодня день недели? Забыл, потерял счет дням. Невилл пожал плечами. Нетерпеливая ярость переполняла его жилы, жгучая, как соляная кислота.

– Бе-е-е-е-ен!

Снова его крепкий кулак заколотил по двери, кожа вокруг побелевших губ собралась в уродливые складки. Где же он, будь он проклят! Невилл нажал на кнопку своим нетвердым, ломким, как стекло, пальцем, и звонок снова завел песню пьянчуги: «Ах, как я трезв, ох, как я трезв, ах, как я трезв, ох, как я...»

С бешеным сопением он бросился всем телом на дверь, и та, распахнувшись настежь, стукнулась о стену. Она была не заперта.

Роберт Невилл вошел в тихую гостиную.

– Бен, – сказал он громко. – Бен, мне нужна твоя машина.

Они были в спальне, затихшие и недвижные, скованные дневной комой; лежа поодаль друг от друга на своей двуспальной кровати – Бен в пижаме, Фрида в шелковой ночной рубашке. Мощные грудные клетки ритмично колебались от тяжелого дыхания.

Несколько минут он простоял, глядя на них. На белой шее Фриды темнело несколько ранок, покрытых корочкой запекшейся крови. Он перевел взгляд на Бена. У Бена на горле ранок не было. И Невилл услышал в своей голове голос, сказавший: «Скорей бы проснуться».

Он встряхнул головой. Нет, от этого сна пробуждения не будет.

Ключи от машины он нашел на комод. Забрал, повернулся на каблуках, и тихий дом остался у него за спиной. Это был последний раз, когда он видел Бена и Фриду живыми.

Мотор, кашлянув, ожил, Невилл дал ему несколько минут проработать вхолостую и заглохнуть. А сам сидел, уставившись на улицу через пыльное ветровое стекло. Жирная муха с жужжанием кружилась вокруг его головы. В машине стояла такая духота, что нечем было дышать. Он глядел, созерцал зеленоватое блестящее тельце мухи, чувствовал, как нетерпеливо трепещет автомобиль.

Через какое-то время Невилл опустил заслонку карбюратора и выехал на улицу. Поставил машину на дорожке перед своим гаражом, заглушил мотор.

Дома было прохладно и тихо. Его подошвы еле слышно прошаркали по ковру, потом застучали по половицам коридора.

Он застыл на пороге, глядя на жену. Она по-прежнему лежала на спине, прижав руки к бокам, слегка согнув белые пальцы. И казалась просто спящей.

Он вернулся в гостиную. Что ему делать дальше? Выбирать, взвешивать варианты – все это теперь, похоже, ни к чему. Какая разница, так он поступит или эдак? Что бы он ни решил, смысла в его жизни не прибавится.

Роберт Невилл остановился у окна, глядя на тихую, прокаленную солнцем улицу – глядя глазами мертвеца.

«А зачем я тогда доставал машину?» – спросил он себя.

Его кадык ходил ходуном, пока он глотал виски.

«Я не могу ее сжечь, – думал он. – И НЕ СОЖГУ».

Но что еще можно предпринять? Похоронные бюро закрыты. Тем немногим гробовщикам, у которых еще хватило бы физических сил заниматься своим ремеслом, запрещает это делать закон. Немедленно после смерти все без исключения покойники должны быть преданы огню в котловане. То был единственный известный способ предотвратить заражение. Только пламя могло уничтожить бактерии, вызывавшие чуму.

Он знал об этом. Он знал, что таков закон. Но много ли людей выполняет его? Над этим он тоже ломал голову. Многие ли мужья соглашаются кинуть в пламя своих жен – своих спутниц жизни, своих любимых? Многие ли родители соглашаются кремировать своих обожаемых детей, многие ли дети – швырнуть дорогих родителей на костер в сто ярдов площадью, в сто футов глубиной?

Нет, если от мира что-то и осталось, так это клятва Невилла, что Вирджиния не будет сожжена в котловане.

Прошел час, пока он наконец не набрел на решение.

Роберт Невилл отыскал иголку и нитки.

Он шил и шил без отдыха, пока на виду не осталось только ее лицо. Затем, дрожащими пальцами, чувствуя в желудке тяжелый ком, он сшил края одеяла над ее губами. Над ее носом. Над глазами.

Завершив работу, пошел на кухню и выпил еще стакан виски. Казалось, алкоголь вообще не подействовал.

В конце концов он на подгибающихся ногах вернулся в спальню. Одну нескончаемую минуту простоял над ней, хрипло дыша. Потом наклонился, подsunул руки под ватное тело.

– Пойдем, малыш, – прошептал он.

Казалось, от этих слов открылись все шлюзы. Невилл почувствовал, что дрожит, почувствовал, что слезы сбегает у него по щекам, – а сам тем временем пронес Вирджинию через гостиную и вышел с ней из дома. Положил ее на заднее сиденье, сел за руль. Набрав в грудь воздуха, потянулся к кнопке стартера.

Отдернул руку. Снова вылез из машины, пошел в гараж и взял лопату.

Выйдя из гаража, он вздрогнул – по улице в его сторону медленно брел человек. Невилл бросил лопату на заднее сиденье и влез в машину.

– Подождите!

Голос у прохожего был хриплый. Мужчина пытался перейти на бег, но у него не хватало сил.

Роберт Невилл молча сидел и ждал, пока прохожий не доберется до него.

– Вы мне... не позволите... отвезти и мою мать... тоже? – сказал мужчина, задыхаясь.

– Я... я... я...

Мозг Невилла отказывался работать. Ему показалось, что сейчас он снова расплывется, но он совладал с собой и выпрямился.

– Я еду не... не туда, – сказал он.

Мужчина непонимающе уставился на него:

– Но ваша...

– Я не еду к костру, я уже сказал! – выпалил Невилл и вдавил в щиток кнопку стартера.

– Но ваша жена, – сказал мужчина. – Жена у вас...

Роберт Невилл рванул рычаг коробки передач, поставив его на задний ход.

– Ради бога, – взмолился мужчина.

– Да не еду я туда! – крикнул Невилл, не глядя на мужчину.

– А как же закон?! – завопил тот в ответ, внезапно разозлившись.

Машина быстро выкатилась задним ходом на улицу, Невилл неуклюже развернулся, поехал к Комптонскому бульвару. Напоследок увидел, что мужчина стоит на бордюре тротуара, провожая его взглядом.

«Идиот! – процедил его внутренний голос. – Думаешь, я брошу свою жену в огонь?»

Улицы были пустынные. Выехав на бульвар, он повернул налево и направился на запад, разглядывая обширную пустошь, что тянулась справа от дороги. Ни одним из кладбищ он воспользоваться не мог. Они закрыты и охраняются. Бывало, что люди, пытавшиеся похоронить родных и близких, получали пулю в лоб.

На следующем перекрестке он свернул направо и миновал еще квартал, а там снова свернул направо, на тихую улицу, которая вела прямо к пустоши. На полдороге заглушил мотор, остаток пути проехал по инерции, чтобы не было слышно шума автомобиля.

Никто не видел, как он вытащил ее из машины, никто не видел, как он понес ее вглубь пустоши, заросшей высоким бурьяном. Никто не видел, как он уложил ее на землю поодаль от зарослей, а сам пропал из виду, опустившись на колени.

Копал он медленно, глубоко вонзая лопату в мягкую землю. Яркое солнце лило жаркий свет на маленькую полянку, и воздух плавился, будто собранный вогнутым зеркалом. Струйки пота сбегали по щекам и лбу Невилла, пока он копал, а перед глазами все плыло, как при головокружении. Запах свежеекопанной земли, горячий и едкий, щипал ноздри.

Наконец яма была готова. Он положил лопату и снова опустился на колени. Его тело содрогалось, лицо покрылось испариной. Ему страшно было заканчивать свой труд.

Но он знал, что медлить нельзя. Если его увидят, то придут и расправятся с ним. Плевать, пусть его застрелят. Но тогда ее сожгут.

Он поджал губы. Нет.

Со всей нежностью и осторожностью, на какие он только был способен, Невилл опустил ее в неглубокую могилу, следя за тем, чтобы она не стукнулась головой о землю.

Выпрямился, поглядел на недвижимое тело, зашитое в одеяло.

«В последний раз, – подумал он. – Больше ни поговорить, ни поцеловать. Одиннадцать чудесных лет закончились в наспех вырытой яме. Нет, – вздрогнув, приказал он сам себе, – на это времени нет».

Бесполезно. Окружающий мир искривился, замерцал за пеленой слез, набежавших на глаза, пока Невилл онемелыми пальцами трамбовал горячую землю над ее неподвижным телом.

Полностью одетый, Роберт Невилл лежал на своей постели, пялясь на черный потолок. Он был полупьян, и темнота вращалась, как колесо с ободом из светляков.

Правая рука, нерешительно потянувшись к столу, смахнула бутылку. Он слишком поздно дал пальцам приказ сомкнуться. Невилл расслабился и продолжал лежать в ночной тишине, слушая, как виски с бульканьем льется из горлышка бутылки на пол.

Нечесанные волосы зашуршали о подушку, когда он покосился на будильник. Два часа утра. Два дня назад он похоронил ее. Два глаза смотрят на часы, два уха ловят электрический гул механизма, измеряющего время, две губы закушены, две руки лежат на одеяле.

Он попытался выбросить эту непрошеную теорию из головы, но внезапно весь мир, казалось, рухнул в ловчую яму двойственности, пал жертвой двоичной системы. Две ушедшие, две кровати в комнате, два окна, два комода, два ковра, два сердца, которые...

Грудь Невилла наполнилась ночным воздухом, подержала его в себе, потом вытолкнула и резко опала. Два дня, две руки, два глаза, две ноги, две ступни...

Роберт Невилл сел и спустил ноги с кровати. Ступил в лужу виски и почувствовал, как носки намокают. Жалюзи дребезжали от холодного ветерка.

Он уставился в темноту.

«Что у меня осталось? – спрашивал он себя. – Осталось ли хоть что-нибудь?»

Устало поднялся и зашлепал в ванную, цепочка мокрых следов потянулась за ним. Подставил лицо под струю воды и ошущью нашел полотенце.

Что осталось? Что...

Внезапно он, распрямившись, замер посреди холодной тьмы.

Кто-то поворачивал ручку парадной двери.

Невилл почувствовал, как по затылку поползли холодные мурашки, волосы встали дыбом.

«Это Бен, – услышал он утешительную подсказку разума. – Это Бен пришел за ключами от машины».

Полотенце выскользнуло из пальцев и зашуршало по кафелю пола. Его тело судорожно затряслось.

В парадную дверь ударил кулак – бессильно, как будто рука просто упала на филенку.

Невилл медленно, с громко колотящимся сердцем прошел в гостиную.

Дверь задребезжала – другой кулак слабо забарабанил по ней. Невилл почувствовал, что от этого звука его бьет судорога.

«В чем, собственно, дело? – подумал он. – Дверь не заперта».

Его лицо обдала струя холодного ветерка из открытого окна. Темнота подтолкнула к двери.

– Кто... – пробормотал он... и не смог договорить.

Его рука отдернулась от дверной щеколды, повернувшейся под нажимом его пальцев. Одним прыжком он отскочил к стене и, вжавшись в нее, замер, хрипло дыша и выкатив глаза.

Ничего не произошло. Он стоял у стены, силясь держаться прямо.

И тут у него перехватило дыхание. На крыльце кто-то бормотал, заплетающимся языком произносил слова, которые невозможно было расслышать. Он взял себя в руки и одним рывком распахнул дверь, впустив в прихожую лунный свет.

Невилл не смог даже вскрикнуть. Он просто стоял как вкопанный, тупо уставившись на Вирджинию.

– Ро... берт, – произнесла она.

10

Научный зал располагался на втором этаже. Каблуки Роберта Невилла глухо застучали по мраморным ступеням Лос-Анджелесской публичной библиотеки. Было седьмое апреля 1976 года.

После нескольких дней пьянства, отвращения ко всему на свете и бессистемных опытов ему стало ясно, что он только зря теряет время. Не связанные между собой эксперименты ни к чему не ведут, это очевидно. Если у загадки есть рациональное объяснение (а приходилось верить, что таковое существует), он может найти его только одним способом – путем вдумчивых исследований.

В качестве предварительной гипотезы он, за неимением лучшего, избрал предположение, что все дело в крови. По крайней мере, теперь у него была отправная точка. Следовательно, задача номер один – почитать книги о крови.

В библиотеке царила абсолютная тишина. Ее нарушал лишь стук его каблуков, пока он шел по коридору второго этажа. На улице иногда шумят птицы, а если даже нет птиц, всегда что-нибудь да слышишь. Удивительно, но на открытом воздухе никогда не бывает такого мертвенного безмолвия, как в помещениях.

Особенно здесь, в этом гигантском, сложенном из серого камня здании, хранящем литературу мертвецов со всего мира.

«Возможно, потому, что вокруг меня стены, – подумал он, – какая-нибудь чисто психологическая фобия».

Но от знания причин легче не становилось. На свете не осталось психиатров, которые напечатали бы ему в уши о беспочвенных неврозах и слуховых галлюцинациях. Последний человек на земле накрепко увяз в своих кошмарах.

Невилл вошел в Научный зал.

Это была комната с высоким потолком и большими окнами. Напротив дверей стояла конторка, где регистрировали выдаваемые книги в те дни, когда книги еще выдавали и регистрировали.

Он замешкался, оглядывая безмолвную комнату, медленно качая головой.

«Все эти книги, – думал он, – осадок интеллекта планеты, объедки верхоглядов, рукава от жилетки, компот из артефактов, – они не смогли спасти человечество от гибели».

Его башмаки заклацали по темным плиткам, устилающим пол. Он пошел налево, где начинались полки. Взгляд скользил по табличкам между стеллажами. «Астрономия», прочел он. Та-ак, книги о небесах. Прошел мимо. Небеса его не интересовали. Тяга к звездам умерла вместе с человечеством. «Физика», «Химия», «Инженерное дело». Миновав эти стеллажи, он вошел в главную читальню Научного зала.

Остановившись, Невилл поднял глаза на высокий потолок. Над головой тянулись два ряда мертвых светильников, а сам потолок членился на большие квадратные выемки, каждую из которых украшало что-то вроде индийской мозаики. Свет утреннего солнца просачивался сквозь грязные окна; в лучах роились пылинки.

Он взглянул на вереницу длинных деревянных столов, перед которыми в одну линию выстроились стулья. Кто-то очень аккуратно расставил их по местам.

«В день закрытия библиотеки, – подумал он, – какая-нибудь сотрудница, старая дева, обошла комнату, пододвинув каждый стул к соответствующему столу. Любовно, с прилежной аккуратностью, которой только и выделялась среди прочего персонала».

Он стал думать об этой призрачной даме. Умереть, так и не узнав неистовой радости и заботливой ласки, которую даруют объятия любимого. Погрузиться в это отвратительное забы-

ть, а потом – в смерть и, возможно, вернуться к бессмысленным, омерзительным скитаниям по земле. Не изведав, что такое – любить и быть любимой.

Трагедия пострашней превращения в вампира.

Невилл покачал головой.

«Ладно, хватит, – сказал он себе, – у тебя нет времени на слезливые фантазии».

Он скользил мимо стеллажей, пока не добрался до «Медицины». Вот то, что ему нужно. Он читал название за названием. Книги по гигиене, по анатомии, по физиологии – общей и отдельных органов, по практической медицине. Дальше – литература по бактериологии.

Он вытащил пять книг по общей физиологии и еще несколько – о крови. Положил их стопкой на один из запыленных столов. Взять что-нибудь по бактериологии? Минуту он простоял, нерешительно глядя на клеенчатые корешки.

Потом пожал плечами. Какая, собственно, разница? Лишний пяток книг не помешает. Он вытянул первые попавшиеся книги со стеллажа и добавил их к стопке. Теперь на столе было с дюжину книг. Для затравки хватит. Он рассчитывал еще вернуться сюда.

Выходя из Научного зала, он покосился на часы над дверью.

Красные стрелки застыли на четырех двадцати семи. Невилл задумался, какого же числа это случилось. Спускаясь по лестнице с охапкой книг, он все думал, в какой же момент остановились часы. В четыре двадцать семь утра или дня? Ясно было или пасмурно? Находился ли кто-то в библиотеке, когда они встали?

Роберт Невилл раздосадованно передернул плечами.

«Господи ты боже мой, какая разница?» – спросил он себя. Его начинала раздражать эта крепнущая в нем ностальгическая заикленность на прошлом. Он знал, что это слабость – слабость, которую он вряд ли может себе позволить, если намеревается остаться в живых. И все же то и дело ловил себя на долгих раздумьях о подробностях минувшего. Никак не мог с собой совладать. И все сильнее сам на себя злился.

Открыть массивные двери центрального входа изнутри тоже не удалось – замки надежные. Пришлось снова лезть тем путем, которым он вошел, – через разбитое окно. Вначале пошвырял на тротуар книги, одну за другой, а потом прыгнул сам. Отнес книги в машину, сел за руль.

Уже запустив мотор, он заметил, что припарковался у красной бровки, к тому же улица с односторонним движением, а капот смотрит в сторону, противоположную разрешенной. Невилл огляделся по сторонам.

– Полицейский! – услышал он собственный вскрик. – А если полицейский...

Целую милю он безудержно хохотал, сам удивляясь, почему ему так смешно.

Невилл отложил книгу. Он снова взялся читать о лимфатической системе, смутно припоминая что-то подобное, прочитанное несколько месяцев назад, в пору его «помешательства», как Невилл теперь называл тот период. Но тогда прочтенное не оставляло в памяти никакого следа, знания не находили практического приложения.

А теперь казалось, что это возможно.

Тонкие стенки кровеносных капилляров позволяют плазме вместе с клетками крови – красными и бесцветными – просачиваться в ткани. Эти потерянные кровеносной системой вещества со временем возвращаются в нее через лимфатические сосуды – их приносит водянистая жидкость, называемая лимфой.

На обратном пути в кровеносную систему лимфа проходит через лимфатические узлы, в которых течение прерывается. Из лимфы извлекаются твердые частицы – отходы обмена веществ, что предотвращает их попадание в кровь.

Теперь главное.

Работу лимфатической системы активируют два фактора: а) дыхание, заставляющее диафрагму давить на содержимое брюшной полости, нагнетающее кровь и лимфу вверх по организму, вопреки гравитации; б) физическая нагрузка, благодаря которой скелетные мышцы сдавливают лимфатические сосуды, вынуждая лимфу течь. Замысловатая система клапанов полностью исключает вероятность того, что лимфа вдруг потечет в обратную сторону.

Но вампиры не дышат – точнее, не дышат те из них, кто мертв. Грубо говоря, это означает, что их лимфатическая система наполовину отключена. Отсюда также следует, что в организме вампира оседает значительная часть отходов его жизнедеятельности.

Тут Роберту Невиллу вспомнилось, как воняют вампиры.

Он продолжил чтение.

«...Бактерии попадают в кровеносную систему, где...

...Белые тельца, имеющие жизненно важное значение для нашей защиты от бактерий...

...Яркий солнечный цвет быстро убивает очень многих микробов...

...Многие бактериальные заболевания человека могут распространяться механическим путем, благодаря переносчикам – мухам, москитам...

...Где, в ответ на натиск бактерий, фабрики фагоцитов выбрасывают в кровеносную систему дополнительные бактерицидные клетки...»

Он уронил книгу на колени. Та соскользнула по ногам и стукнулась о ковер.

Сопrotивляться становилось все труднее и труднее, поскольку, какую бы книгу он ни начинал читать, везде фигурировала взаимосвязь между бактериями и порчей крови. Но он же с самого начала откровенно презирал всех, кто когда-то до смертного часа отстаивал бактериальную теорию и глумился над рассказами о вампирах.

Невилл встал, смешал себе коктейль. Но бокал остался нетронутым, а сам он застыл перед баром. Медленно, ритмично, колотил правым кулаком по верхушке бара, глаза мрачно уставились в стену.

Микробы.

Он скорчил гримасу.

«Ну, ради бога, – устало прикрикнул он сам на себя, – это слово что, кусается?»

Он набрал в грудь воздуха.

«Ладно, – приказал он себе, – микробы так микробы. Есть ли хоть какие-то основания утверждать, что микробы ни при чем?»

Он отвернулся от бара, как будто мог так же легко отвернуться и от вопроса. Но вопрос не книжка, на полку его не положишь. Куда бы ты ни шел, он последует за тобой.

Невилл сидел на кухне, глядя в чашку с дымящимся кофе. Микробы. Бактерии. Вирусы. Вампиры.

«Почему я так противлюсь этой теории? – спросил он себя. – Что это, простое упрямство, дух противоречия – или предчувствие, что если дело в микробах, то проблема окажется мне не по плечу?»

Он не знал ответа. И поэтому избрал новую тактику – тактику компромисса. Зачем отбрасывать какую-то одну теорию? Не факт, что они взаимоисключающие. «Да царит здесь взаимотерпимость и взаимосвязь».

Может быть, разгадка тайны вампиров – именно бактерии.

И тут его словно сбило с ног океанской волной.

Он, как тот маленький голландский мальчик, затыкал пальцем отверстие в плотине, закрывая доступ морю здравого смысла. Да, он сидел на плотине, согнувшись в три погибели, вполне довольный своей твердокаменной теорией. А теперь распрямился, выдернул палец. Море ответов уже хлынуло сквозь дырку.

Чума распространилась очень быстро. Могло ли это произойти, если бы ее разносили только вампиры? Разве их ночная охота могла настолько ускорить процесс?

Он вздрогнул: ответ пришел неожиданно. Только бактериальная гипотеза может объяснить фантастические темпы чумы, то, что количество ее жертв росло в геометрической прогрессии.

Невилл отпихнул чашку с кофе. Его мозг развивал одновременно дюжину различных идей.

К эпидемии были причастны мухи и москиты. Они разносили болезнь, позволив ей буквально облететь весь мир.

Да, бактерии объясняют многое: то, что днем вампиры не выходят наружу. Микробы вводят их в кому, чтобы уберечься от солнечных лучей.

Новая мысль: а что, если именно бактериям обязан своей силой настоящий вампир?

По его спине пробежала дрожь. Возможно ли, чтобы один и тот же микроб убивал живых и давал энергию мертвым?

Он должен это узнать! Невилл вскочил со стула и чуть не выбежал из дома. Но в последний момент с нервным смешком попятился от двери.

«Господи ты боже мой, – подумал он, – я что, спятил? Ночь на дворе».

Он ухмыльнулся и стал беспокойно мерить шагами гостиную.

Могут ли бактерии объяснить прочее? Например, эффект вбивания кольев? Невилл изо всех сил попытался всунуть его в прокрустово ложе бактериальной теории.

«Давай, жми!» – нетерпеливо покрикивал он на свой разум.

Но ему ничего не приходило в голову, кроме того, что колья вызывают кровотечение, а это не объясняет случая с той женщиной. И сердце здесь ни при чем...

Он выбросил эту проблему из головы, боясь, что его новорожденная теория начнет разваливаться раньше, чем он успеет ее развить.

Ну а крест? Нет, этого бактериями не объяснишь. Земля... тоже нет ответа. Текучая вода, зеркала, чеснок...

Роберт Невилл почувствовал, что безудержно дрожит, и ему захотелось громко разрыдаться, чтобы остановить ту взбесившуюся лошадь, в которую превратился его мозг. Он должен хоть до чего-нибудь додуматься!

«Будь все проклято! – вскричал он про себя. – Я не упущу ключ к разгадке».

Он заставил себя сесть. Дрожащий и неподвижный, он методически опустошал свое сознание, пока не пришло успокоение.

«Господи, – подумал он наконец, – что же со мной творится? Меня озарила идея, а я бешусь, потому что она объясняет не все нюансы. Идея, существующая лишь одну минуту. Похоже, я схожу с ума».

Теперь Невилл вспомнил про коктейль – ему требовалось выпить. Он поднял стакан, но тот затрясся в руке.

«Ладно, малыш, – попробовал он сам себя отвлечь, – успокойся и больше не плачь. К нам едет Санта-Клаус, у него за плечами мешок, в мешке – разгадки всех загадок. Ты больше не будешь чокнутым Робинзоном Крузо, прикованным за ногу к острову ночи в океанах смерти».

Невилл сам расхохотался над этой фразой, и напряжение как рукой сняло.

«Красочно и изящно», – подумал он.

Последний на свете человек оказался гениальным журналистом, не хуже Эдгара Геста.

«Ну ладно, – приказал он себе, – теперь баиньки. Нечего рваться с цепи, да еще в двадцати разных направлениях одновременно. Это больше не для тебя – ты даже со своими эмоциями управиться не можешь».

Первый шаг – раздобыть микроскоп.

«Это первый шаг», – настойчиво твердил он себе, пока раздевался, игнорируя стоящий в горле тугой комок нерешительности и почти болезненную жажду взяться за опыты безо всякой там занудной подготовки.

Он чувствовал себя почти больным, лежа в темноте и стараясь думать не дальше чем на один ход вперед. Но он знал, что именно так и надо действовать.

«Это первый шаг, это первый шаг. Клянусь моими костями, это первый шаг».

Он ухмыльнулся в темноте, радуясь, что впереди определенность, дело.

Прежде чем уснуть, Невилл позволил себе еще одну мысль. Укусы, насекомые, передача болезни от человека к человеку – достаточно ли всего этого, чтобы объяснить ужасную скорость распространения эпидемии?

Он заснул с этим вопросом, крутящимся в голове. А часа в три утра проснулся, обнаружив, что по дому молотит кулаками очередная пыльная буря. И неожиданно, в мгновение ока, обо всем догадался.

11

Первый добытый им микроскоп оказался никуда не годным.

Плохо нивелированное основание дрожало от любого сотрясения. Движущиеся части скорее вихлялись, чем двигались. Зеркало закреплено кое-как – ходит ходуном. Подставки для конденсора или поляризатора не было. Бинокулярная насадка – всего одна, чтобы поменять увеличение, приходилось переставлять линзы. А сами линзы – вообще тихий ужас.

Но тут, конечно, пенять не на кого – в микроскопах он ничего не понимает, вот и схватил первый попавшийся. Спустя три дня Невилл с придушенным проклятием швырнул им в стену и каблуками раздавил обломки в порошок.

Потом, успокоившись, поехал в библиотеку и нашел книгу о микроскопах.

В следующий раз выйдя на тропу поиска, он вернулся домой лишь тогда, когда раздобыл приличный прибор: тройная бинокулярная насадка, подставка для конденсора и поляризатора, надежное основание, плавный ход движущихся частей, ирисовая диафрагма, качественные линзы.

«Вот еще один пример того, как глупо лезть в воду, не зная броду, – сказал он себе. И ответил себе же сквозь зубы: – Ну да, ну да».

Он заставил себя потратить уйму времени на то, чтобы перейти с микроскопом на «ты».

Крутил зеркало на оси, пока не научился за несколько секунд направлять луч света на объект. Свел знакомство с линзами: увеличение от трех до двенадцати с половиной раз. Работая с максимальным увеличением, выучился, капнув на предметное стекло кедрового масла, опускать окуляр, пока тот не коснется масла. В процессе обучения этой операции он разбил тринадцать стекол.

Через три дня упорных трудов Роберт Невилл мог проворно манипулировать головками настройки, управлять ирисовой диафрагмой и конденсором, чтобы предметное стекло было освещено не сильнее и не слабее, чем требуется. И скоро во всех подробностях увидел готовые образцы, прилагавшиеся к микроскопу.

Раньше он и представить себе не мог, что у блохи такой омерзительный вид.

Затем он взялся за приготовление препаратов. Этот процесс оказался куда сложнее.

Сколько бы он ни старался, ему никак не удавалось удалить с предметного стекла все пылинки. В окуляре микроскопа они казались валунами.

Особенно затрудняли дело пыльные бури, еще случавшиеся в среднем раз в четыре дня. В конце концов он был вынужден устроить над верстаком полог.

Эксперименты с препаратами заодно привили ему систематический подход к делу. Невилл обнаружил, что, пока он отвлекается на поиски чего-то нужного, у пыли есть масса возможностей запачкать его предметные стекла. Нехотя, почти ради развлечения, он скоро разложил все по местам. Покровные стекла, пипетки, пинцеты, кюветы, чашки Петри, иглы, химикаты – все было размещено в надлежащем порядке.

К своему удивлению, он обнаружил, что упражнения в аккуратности приносят ему настоящее удовольствие.

«Похоже, во мне все же течет кровь старого Фрица», – в шутку подумалось ему однажды. Потом он взял у одной женщины кровь на анализ.

Ему понадобился не один день, чтобы правильно разместить несколько капелек в ячейке, а ячейку расположить точно в центре стекла. Первое время казалось, что он никогда не справится с этой задачей.

Но наступило утро, когда он небрежно, словно нечто пустяковое, положил на предметный столик свой тридцать седьмой препарат крови, включил прожектор, отрегулировал окуляр и зеркало, опустил и настроил диафрагму и конденсор. С каждой проходящей секундой его сердце, казалось, билось все сильнее, – каким-то необъяснимым образом он понял, что именно сейчас это и случится.

Момент настал; у него перехватило дух.

Значит, это не вирус. Вирус увидеть невозможно. А то, что трепетно бьется на стеклышке, – бактерия.

«Сим нарекаю тебя *vampiris*». Эти слова проползли по извилинам его мозга, пока он стоял, глядя в окуляр.

Сверившись с одной из книг по бактериологии, Невилл выяснил, что представшая его взору цилиндрическая бактерия именуется бациллой. Палочка из протоплазмы, плавающая в крови, шевеля тоненькими ниточками, которые отходят от оболочки клетки. Волосоподобные жгутики энергично хлещут жидкую среду, толкая бациллу вперед.

Он долго не отнимал взгляда от окуляра, не в состоянии ни размышлять, ни продолжать опыт.

Он мог думать только о том, что здесь, на стеклышке, находится причина, порождающая вампиров. Целые века пугливых суеверий обратились в прах в тот момент, когда он увидел бактерию.

Тогда получается, что ученые были правы – бактерии все-таки причастны к болезни. Понадобился он, Роберт Невилл, тридцати шести лет, единственный выживший, чтобы завершить следствие и объявить имя убийцы – это бактерия, живущая внутри вампира.

Неожиданно отчаяние тяжело пригнуло его к земле. Сокрушительный удар – найти разгадку сейчас, когда уже слишком поздно. Невилл изо всех сил пытался не поддаваться тоске, но тщетно. Он не знал, с чего начать, чувствовал себя беспомощным младенцем перед выпавшей ему задачей. Разве он может даже надеяться, что вылечит хотя бы оставшихся в живых? Он ведь ничего не понимает в бактериях.

«А вот возьму и пойму!» – взорвался Невилл. И заставил себя учиться.

«Некоторые виды бактерий в момент, когда условия жизни становятся неблагоприятными, способны порождать тела, именуемые спорами.

Делают они это так – сгущают содержимое своих клеток в овальные тельца с толстыми оболочками. Сформированное тельце отделяется от бациллы и становится свободной спорой, неподвластной физическим и химическим воздействиям.

Позднее, когда условия жизни делаются более благоприятными, споры снова прорастают, вновь обретая при этом все свойства бациллы-прародительницы».

Роберт Невилл стоял перед раковиной, закрыв глаза, крепко уцепившись руками за ее бортик.

«В этом что-то есть, в этом что-то есть», – твердил он себе настойчиво.

Но что именно?

Представим себе, что у вампира нет крови, начал он рассуждать логически. Тогда для бациллы «вампирис» условия будут неблагоприятными.

Защищаясь, бактерия образует споры; вампир погружается в кому. В конце концов, когда условия вновь становятся благоприятными, вампир опять разгуливает по земле, – и с физической точки зрения он таков же, как и раньше.

Но как бактерия узнает, что кровь появилась? Он со злостью стукнул кулаком по раковине. Снова уткнулся в книгу. В этом все равно что-то есть. Он нутром чуял.

У бактерии, которая неправильно питается, нарушается обмен веществ. Она начинает производить бактериофаги – неживые самовоспроизводящиеся белки. Эти бактериофаги разрушают бактерию.

Если приток крови прекратится, у бацилл нарушится обмен веществ. Они станут впитывать воду, будут раздуваться, чтобы в конце концов взорваться и уничтожить все клетки.

Снова образуются споры; без них никуда.

Ну ладно, предположим, что вампиры погружаются в кому. Предположим, что без свежей крови их тела разлагаются. Бактерии все равно могут образовывать споры и...

Вот именно! Пыльные бури!

Пыльная буря разнесет высвобожденные споры по местности. Споры застрянут в крохотных ссадинах на коже. И там бактерии, возможно, начнут размножаться. По мере их размножения окружающие ткани станут разрушаться, все каналы будут забиты бациллами. Распад тканевых клеток и бацилл приведет к выделению ядовитых отходов в окружающие здоровые ткани. Со временем яд попадет в кровеносную систему.

Процесс завершен.

И никаких тебе кровавоглазых вампиров, в нерешительности стоящих над девичьими постелями. Никаких летучих мышей, бьющихся в окна замков, никаких сверхъестественных сил.

Вампиры реальны. Дело просто в том, что их подлинная история никем еще не была рассказана.

Роберт Невилл взглянул с этой новой точки зрения на эпидемии, известные из истории.

Он задумался о гибели Афин. Это было страшно похоже на чуму 1975 года. Город вымер прежде, чем жители хоть что-то успели предпринять. Историки писали, что это была бубонная чума. Роберт Невилл склонился к версии, что причина крылась в вампирах.

Нет, не в вампирах. Потому что сейчас становится ясным, что рыскающие в ночи коварные призраки – такие же слепые орудия бактерий, как и первоначально зараженные живые невинные жертвы. Бактерия – вот кто враг. Бактерия, прячущаяся за лживой пеленой легенд и суеверий, разящая своим бичом направо и налево, пока люди преклоняют колени перед собственными страхами.

Ну а что сказать о «черной смерти», этой бедственной чумной эпидемии, которая прокатилась по Европе, волоча за собой, как шлейф, погребальный звон по трем четвертям населения?

Вампиры?

Когда пробило десять, голова у него гудела, глаза горели, словно капли кипящего желатина. Он обнаружил, что голоден как волк. Достал из холодильника отбивную, а пока она жарилась, наспех принял душ.

Когда в стену дома ударился камень, Невилл слегка подпрыгнул. Потом криво усмехнулся. Весь день он настолько был погружен в работу, что совсем позабыл о стае, рыщущей вокруг дома.

Вытираясь полотенцем, он неожиданно сообразил, что не знает, сколько среди его ночных гостей-вампиров физически живы, а сколько тех, кто существует только благодаря бактериям.

«Странно, что я этого не знаю», – подумал он.

Среди них непременно были и те и другие, потому что в некоторых он стрелял безуспешно, а другие от его пуль погибали. Он предполагал, что мертвые вампиры каким-то образом способны сопротивляться пулям.

И тут возник еще один вопрос. Почему живые приходят к его дому? И почему приходит лишь эта жалкая кучка, а не все, кто живет в округе?

Невилл запил отбивную бокалом вина и поразился, как все это вкусно. Обычно ему казалось, что он жует опилки, а не еду.

«Должно быть, я сегодня нагулял аппетит за работой», – подумал он.

И более того, за весь день он не выпил ни капли. И самое фантастичное – выпить даже не хотелось. Невилл покачал головой. Совершенно очевидно, алкоголь для него – способ успокоить нервы.

Отбивную он умял, оставив на тарелке только косточку. Подумав, обглодал и ее. Потом отнес недопитую бутылку в гостиную, включил проигрыватель и с усталым ворчанием устроился в кресле.

Роберт Невилл слушал Равеля, Первую и Вторую сюиты из «Дафниса и Хлои», сидя в полной темноте – только огонек на проигрывателе слабо светился. На несколько минут он умудрился напрочь позабыть о вампирах.

Однако позже не смог удержаться, еще раз взглянул в микроскоп.

«Ах ты сучка, – подумал он почти любовно, глядя, как трепещет на стеклышке крохотный комок протоплазмы. – Подлая маленькая сучка».

12

На следующий день дело заглохло.

Кварцевая лампа убила бактерий на стеклышке, но это ничего ему не объяснило.

Он смешал аллилсульфид с зараженной бактериями кровью – и никакого результата. Аллилсульфид растворился, бактерии продолжали жить.

Невилл нервно стал мерить шагами спальню.

Чеснок их отпугивает, а кровь – краеугольный камень существования вампиров. Однако же, сколько ни смешивай главный компонент чеснока с кровью – ничего. Его руки сжались в кулаки.

Минутку – кровь принадлежала живому вампиру.

Час спустя у него была проба крови от другой разновидности. Он смешал ее с аллилсульфидом и положил под микроскоп. Никакого результата.

Завтрак встал ему поперек горла.

Ну а как же колья? В голову приходило только одно объяснение их воздействия – они вызывают кровотечение. Но он сам знал, что кровотечение тут ни при чем. Та женщина, черт бы ее...

Полдня он пытался придумать что-нибудь конструктивное. В конце концов с воплем опрокинул микроскоп и направился в гостиную. Там он бухнулся в кресло и стал нервно барабанить пальцами по подлокотнику.

«Блестяще, Невилл, – думал он. – Ты просто чудо природы. Сходи к старосте класса».

Он сидел, кусая пальцы.

«Не будем закрывать глаза на очевидное, – печально думал он, – я давно уже спятил. Я не способен мыслить даже два дня подряд – швы расходятся моментально. Я ноль, я гроша ломаного не стою, я бестолочь, я растяпа».

«Отлично, – ответил он сам себе, пожав плечами, – этот пункт повестки исчерпан. Теперь вернемся к нашей проблеме».

И вернулся к ней.

«Кое-какие факты установлены, – начал он читать лекцию сам себе. – Существует бактерия, она передается от человека к человеку, солнечный свет для нее смертоносен, чеснок – действенное противоядие. Некоторые вампиры спят в земле. Коля убивают вампиров. Они не оборачиваются волками или летучими мышами, но определенные животные, заразившись бактериями, превращаются в вампиров».

Отлично.

Невилл составил список. Одну колонку озаглавил «Бациллы», над другой начертал вопросительный знак.

Начал заполнять.

Крест. Нет, это не может иметь никакого отношения к бациллам. Что-что, а крест – средство чисто психологическое.

Земля. Может быть, в земле содержится что-то, воздействующее на бактерию? Нет. Как это вещество попадет в кровь? Кроме того, лишь очень немногие из них спят в земле.

Его кадык дернулся, когда он внес вторую запись в колонку, увенчанную знаком вопроса.

Текучая вода. Может быть, она всасывается через поры и... Нет, это ерунда. В дождь они спокойно выходят из помещений. Будь им вредна вода, не выходили бы. Еще одна запись в правой колонке. Его рука, сжимающая ручку, слегка дрожала.

Солнечный свет. Он тщетно пытался обрадоваться тому, что вписал этот пункт в желанную колонку.

Коля. Нет. Его кадык дернулся.

«Следи за собой», – предостерег внутренний голос.

Зеркало. Господи, какая может быть связь между зеркалом и бактериями? Торопливые каракули в правой колонке стали совсем неразборчивыми. Рука задрожала еще сильнее.

Чеснок. Невилл замер, скрипя зубами. Он должен внести хотя бы еще одну запись в колонку бацилл; это было почти делом чести. Он боролся за последний пункт сам с собой. Чеснок, чеснок. Чеснок не может не действовать на бактерии. Но как это происходит?

Он начал писать в правой колонке, но не успел закончить, как гнев вырвался из дальних глубин души подобно фонтану лавы из жерла вулкана.

Проклятье!

Роберт Невилл смял бумажку в кулаке и отшвырнул. Встал и в бешенстве огляделся по сторонам. Ему хотелось что-нибудь разбить, что-нибудь разнести в щепы.

«Ах, ты думал, что помешательство миновало?» – орал он сам на себя, готовясь сорвать злость на серванте с бутылками.

Но тут же, совладав с собой, попятился.

«Нет, нет, только не заводись», – взмолился он.

Трясущимися пятернями принялся ерошить свои прямые светлые волосы. Его кадык конвульсивно дергался, Невилл дрожал от загнанной вглубь тяги крушить все и вся.

Бульканье виски, переливаемого в стакан, бесило. Он перевернул бутылку вверх дном, и виски хлынул из нее обильными потоками, потек по стакану снаружи, залил верхушку бара из красного дерева.

Невилл выпил стакан залпом, запрокинув голову. Виски стекал из уголков рта.

«Я зверь! – ликовал он. – Я тупейший, безмозглый зверь, и я сейчас напьюсь!»

Зашвырнул опустошенный стакан в дальний угол комнаты. Стакан ударился о книжный шкаф и покатился по ковру.

«Ах, ты разбиваться не хочешь, не хочешь?» – процедил Невилл, не разжимая губ, и прошелся по ковру, раздавив стакан в порошок тяжелыми башмаками.

Потом развернулся и снова заковылял к бару. Налил до краев второй бокал, вылил содержимое себе в глотку.

«Эх, если бы у меня виски текло по трубам! – подумал он. – Я бы присобачил к трубам шланг и качал бы в себя алкоголь, пока из ушей не потечет! Пока не утонул бы в нем!»

Он отшвырнул стакан. Слишком медленно, слишком медленно, черт возьми! Стал пить прямо из запрокинутой бутылки, жадно давясь, ненавидя себя, наказывая себя алкоголем, обжигающим глотку.

– Задохнусь! – взорвался он. – Сам себя задушу, просто утону в виски! Как герцог Кларенс в бочке с мальвазией. Я умру, умру, умру-у-у-у!

Он метнул через всю комнату пустую бутылку, и она разбилась о стену с фотообоями. Виски струился по стволам деревьев на землю. Невилл бросился вслед за бутылкой; подобрал осколок. Рубанул по обоям, и острый край, располозовав пейзаж, сорвал его со стены.

«Вот тебе! – подумал он. Дыхание вырывалось изо рта с шумом, как пар из котла. – Получай!»

Невилл отшвырнул стекляшку, потом глянул на свои пальцы, ощутив тупую боль. Заодно он располозовал себе руку.

– Отлично! – воскликнул он злорадно и надавил пальцами на края раны, пока кровь не закапала на ковер огромными сгустками. – Истекай кровью до смерти, безмозглый, никуда не годный сукин сын!

Часом позже Невилл, совершенно пьяный, безжизненно валялся на полу, бессмысленно улыбаясь.

Мир отправился ко всем чертям. Ни бактерий, ни науки. Сдался на милость потусторонних сил, превратившись в самый натуральный загробный мир. Ежедневник «Харперс базар» и его субботнее приложение «Духоводство», «Юный доктор Джекилл», и «У Дракулы жена на стороне», и «Смерть прекрасна», и «Не на свой кол не садись», и «Капли упыря-короля», от всех болезней, спрашивайте во всех аптеках.

Он пил и пил двое суток и намеревался пить до конца времен либо до конца мировых запасов алкоголя – смотря что истощится раньше.

И он вполне мог бы привести этот план в исполнение, если бы не чудо.

Оно произошло на третий день, утром, когда он выполз на крыльцо поглядеть, на месте ли еще мир.

По газону бродила собака.

Едва услышав звук открывающейся двери, собака перестала обнюхивать траву, в испуге вскинула голову и, перебирая костлявыми ногами, побежала прочь.

В первый момент Роберт Невилл так оторопел, что не сдвинулся с места. Он стоял как вкопанный, провожая взглядом пса, который проворно хромал через улицу. Между собачьих ног мотался похожий на веревку хвост.

Пес! Живой! И главное, при свете дня! Невилл с глухим криком ринулся вперед и чуть не растянулся на газоне. Ноги подогнулись, руки замолотили по воздуху в поисках опоры. Еле удержавшись на ногах, он побежал вслед за псом.

– Эй! – закричал он, нарушив своим хриплым голосом покой и тишь Симаррон-стрит. – Вернись сюда!

Его башмаки прогрохотали по дорожке к воротам и загремели по мостовой. Каждый шаг отзывался в голове ударом дробильного молота. Сердце скакало в груди.

– Эй! – вскричал он опять. – Иди сюда, малыш.

Пес трусил по тротуару на той стороне улицы, поджав правую заднюю лапу. Его темные коготки клацали по цементу.

– Сюда, малыш, я тебя не обижу! – заорал Роберт Невилл.

У него уже закололо в боку, а голову разрывала боль. Он продолжал бежать. Остановившись на миг, пес оглянулся. Потом нырнул в зазор между двумя домами, и на мгновение Невилл увидел его сбоку. Коричневый, с белыми пятнами, беспородный. Вместо левого уха

свисали какие-то ключья. Длинное, исхудалое тело пса на бегу вихлялось из стороны в сторону...

– Не убегай!

Выкрикивая эти слова, он сам не замечал, как истерично дрожит его голос. Когда животное скрылось за домами, у Невилла перехватило горло. Испуганно замычав, он заковылял быстрее, плюнув на боль в похмельной голове. Все ерунда – лишь бы пса поймать.

Но когда Невилл, обогнув дом, выбежал на задний двор, собаки нигде не было видно.

Он подскочил к живой изгороди, заглянул за нее. Ничего и никого. Резко обернулся посмотреть, не пытается ли пес покинуть двор той же дорогой, которой вошел.

Пса не было.

Целый час Невилл на подгибающихся ногах бродил по кварталам, тщетно разыскивая пса, каждые пять минут выкрикивая: «Иди сюда, малыш, иди».

В конце концов он заковылял домой, его лицо превратилось в маску беспросветного уныния. Наткнуться на живое существо, после всех этих страшных месяцев найти сотоварища – и тут же потерять его. Даже если это всего лишь собака. Всего лишь собака? Для Роберта Невилла этот пес был высшим достижением эволюции на Земле.

Он не мог ни есть, ни пить. Он чувствовал себя таким разбитым от потрясения и утраты, что был вынужден прилечь. Но сон не шел. Невилл лежал, мучимый лихорадочной дрожью, елозя головой по плоской подушке.

– Иди сюда, малыш, – бормотал он то и дело, сам не отдавая себе в этом отчета. – Сюда, малыш, я тебя не обижу.

После обеда Невилл снова занялся поисками. В радиусе двух кварталов вокруг своего дома обшарил каждый двор, каждую улицу, каждый дом. Но не обнаружил даже следов пса.

Вернувшись домой около пяти вечера, выставил на крыльцо чашку с молоком и кусок бифштекса. Вокруг выложил кольцом чесночные головки, в надежде отпугнуть вампиров.

Позднее Невиллу пришло в голову, что пес наверняка тоже заражен, значит чеснок отпугнет и его. Хотя что-то непохоже. Как мог бы зараженный пес бродить по улицам днем? Разве что в жилах такое мизерное количество бацилл, что он еще не болен по-настоящему. Но если он здоров, как ему удалось уйти от ночных хищников?

«О боже, – пришла мысль, – что, если пес сегодня вечером вернется за мясом, а его убьют?»

Что будет делать Невилл, если, выйдя завтра на крыльцо, увидит на газоне трупик собаки и поймет, что виновен в этой смерти?

«Я этого не перенесу, – подумал он тоскливо. – Я вышибу себе пулей мозги, если это случится, клянусь».

Эта мысль вновь вывлекла на поверхность не находящую разрешения загадку – что привязывает его к жизни. Ну хорошо, теперь появились кое-какие возможности для экспериментов, но жизнь по-прежнему остается бессодержательной, безрадостной борьбой. Пусть он может иметь все, что пожелает (за исключением, разумеется, друга-человека), будущее не сулит ему никаких улучшений, даже мало-мальских перемен. Судя по всему, ему придется до конца своих дней довольствоваться тем, что у него уже есть. А сколько лет ему осталось? Тридцать, может быть – сорок, если он не убьет себя алкоголем до срока.

Перспектива еще сорока лет такой жизни заставила его содрогнуться.

И все же он до сих пор не покончил самоубийством. Правда, к своему физическому здоровью он относится без особой почтительности. Неправильно питается, неправильно пьет, неправильно спит и вообще все делает неправильно. Ресурсы его организма не безграничны; он подозревал, что давно уже играет в кошки-мышки с болезнями.

Но небрежное отношение к своему телу – это не самоубийство. О приготовлениях к самоубийству он даже ни разу не думал. Почему?

Казалось, ответа на этот вопрос вообще нет. Невилл ни с чем не смирился, не приспособился к образу жизни, который ему навязали. И все же вот он сидит здесь, спустя восемь месяцев после того, как чума унесла последнюю жертву, девять – после того, как разговаривал с другим человеком, десять – после смерти Вирджинии. Будущего у него нет, настоящее поистине беспросветно. А он все бредет и бредет куда-то.

Что это, инстинкт? Или он просто идиот? Ему воображения на самоубийство не хватает, так получается? Почему он не наложил на себя руки в самом начале, когда совершенно пал духом? Что его побудило подготовить дом к обороне, установить холодильную камеру, генератор, электроплиту, резервуар для воды, построить теплицу, соорудить верстак, сжечь дома по обе стороны от своего жилища, набить комнаты пластинками, книгами и мириадами консервных банок и даже – скажи кому-нибудь, не поверят, – даже наклеить на стену модные фотообои?

Может быть, любовь к жизни – не пустые слова, а реальная, управляющая сознанием сила? Может быть, в его лице природа оберегает свой последний огонек от посягательства собственных же созданий?

Роберт Невилл прикрыл глаза. Зачем думать, зачем рассуждать? Ответа нет. То, что он продолжает жить – случайность, упущение копуши-природы. Он просто слишком туп, чтобы собственноручно положить всему этому конец, вот где собака зарыта.

Позже он намазал клеем обрывки обоев и наклеил обратно на стену. Если не подходить к стене слишком близко, изъян незаметен.

Он попробовал вновь вернуться к проблеме бацилл, но быстро понял, что не может ни о чем думать – только о собаке. Через несколько минут Невилл с удивлением поймал себя на том, что сбивчиво молится Богу, прося уберечь пса. Именно в этот момент он ощутил отчаянную потребность в вере в Бога – пастыря своих созданий. Но, даже произнося молитву, он сам себя осуждал за сентиментальность и почувствовал, что в любой миг способен сорваться на глумление над собственной молитвой.

Однако он каким-то чудом сумел продолжить молитву, игнорируя внутреннего иконоборца. Потому что хотел, чтобы пес был рядом. Пес был необходим ему.

13

Выйдя поутру на крыльцо, Невилл обнаружил, что и молоко, и бифштекс словно испарились.

Он быстро обвел взглядом газон. На траве валялись две женщины, но пса не было видно. Вздых облегчения сорвался с губ Невилла.

«Хвала тебе, Господи, – подумал он и сам себе ухмыльнулся. – Будь я верующим, я бы счел, что молитва подействовала».

Он тут же принялся бранить себя за то, что проспал появление собаки. Должно быть, пес приходил сразу после рассвета, едва на улицах стало безопасно. Видимо, он выработал свою систему выживания – иначе давно бы погиб. Нет, надо было не спать, а наблюдать за крыльцом.

Невилл утешил себя надеждой, что начал завоевывать доверие пса, пусть даже только едой. У него было мелькнула мысль, что бифштекс и молоко утащили вампиры, а не собака, но беглый осмотр крыльца его успокоил. Бифштекс не перенесли через чесночное кольцо, а выволокли сквозь него. А вокруг чашки всюду были крошечные, пока не подсохшие брызги молока, которые мог расплескать только жадный язык лакающей собаки.

Он пошел завтракать лишь после того, как выставил на крыльцо новую чашку молока и новый бифштекс – в тень, чтобы молоко не слишком нагрелось. Подумав, поставил рядом еще и чашку с холодной водой.

После завтрака Невилл отвез двух женщин в огненный котлован, а на обратном пути заехал в супермаркет и прихватил две дюжины банок лучших собачьих консервов, а также коробки с галетами для собак, лакомствами для собак, мылом для собак, порошок от блох и проволочную щетку.

«Господи, можно подумать, что я готовлюсь к рождению ребенка, – подумал он, навьючившись, как верблюд. Добрел до машины. Его губы искривила нерешительная усмешка. – Зачем притворяться? Я год так не радовался, год так не волновался».

Восторг, который он испытал, увидев в микроскоп возбудителя болезни, – ничто по сравнению с чувствами, которые пробудила встреча с собакой.

Он помчался домой, на восьмидесяти милях в час и не смог подавить разочарованный стон, когда увидел, что мясо и молоко нетронуты.

«Ну и чего же ты ожидал, черт возьми? – саркастично спросил он себя. – Собака не может есть каждые пять минут».

Сгрузив собачью еду и собачьи туалетные принадлежности на кухонный стол, Невилл взглянул на часы. Десять пятнадцать. Пес вернется, когда проголодается опять.

«Терпение, Невилл, терпение, – сказал он себе. – Пусть у тебя будет хотя бы эта добродетель».

Он убрал подальше все, что притащил из супермаркета. Потом осмотрел снаружи дом и теплицу. Требовалось закрепить расшатанную доску и заклеить стекло в крыше теплицы.

Собирая чеснок, Роберт Невилл снова задумался, почему же вампиры еще ни разу не подожгли его дом. Это же элементарный тактический ход. Может быть, они боятся спичек? Или просто не могут догадаться – слишком отупели? В конце концов, они неизбежно лишились части своих умственных способностей. Переход от жизни к ходячей смерти должен сопровождаться определенным распадом тканей.

Нет, эта теория ничего не объясняет, потому что по ночам к его дому приходят и живые. У этих-то с мозгами все в ажуре? Или нет?

Он выбросил эту проблему из головы. Ему было не до того. Остаток утра он провел за приготовлением и развешиванием чесночных ожерелий. И вновь удивился действенности луковиц. В легендах чудесным средством всегда были цветы чеснока. Он пожал плечами. Какая разница? Отпугивают – и отпугивают. Вероятно, цветы тоже сгодятся.

После ланча Невилл уселся у глазка, наблюдая за чашками и тарелкой. Ниоткуда не слышалось ни звука, если не считать почти незаметного гудения кондиционеров в спальне, ванной и на кухне.

Пес появился в четыре. Сидя в ожидании перед глазком, Невилл чуть не задремал. Тут его глаза, моргнув, сфокусировались на псе, который медленно ковылял по улице, уставившись на дом подозрительными, окруженными белой каемкой глазами. Интересно, что у пса с лапой. Невилл мечтал залечить ее и тем самым завоевать собачье сердечко.

«Прямо-таки Андрокл со львом»³, – подумал он, сидя в мрачном сумраке своего дома.

Он заставил себя не шевелиться. Просто невообразимо, как тепло ему стало на душе, до какой степени он почувствовал себя нормальным человеком, когда увидел, что пес лакает молоко и ест мясо. Собачьи челюсти удовлетворенно лязгали. Невилл сидел у глазка с мягкой, безотчетной улыбкой на губах. Песик был просто симпатяга.

Его кадык конвульсивно дернулся, когда животное, покончив с едой, стало спускаться с крыльца. Вскочив с табуретки, Невилл устремился к двери на улицу.

Но совладал с собой.

«Нет, так нельзя, – решил он скрепя сердце. – Если ты выйдешь, то просто его спугнешь. Дай ему уйти спокойно, дай ему уйти».

---

³ По мотивам этой легенды Б. Шоу написал пьесу «Андрокл и лев».

Невилл вернулся к глазку и увидел, как пес, вихляясь, переходит улицу и скрывается между теми же двумя домами. Невилл почувствовал, как в горле у него встал комок.

«Все в порядке, – уговаривал он сам себя, – он вернется, никуда не денется».

Отойдя от глазка, он приготовил себе некрепкий коктейль. Сидя в кресле, отхлебывая маленькими глоточками из бокала, пытался догадаться, где же ночует пес. Сперва Невилл волновался за него и жалел, что он не здесь, в доме. Но потом сообразил, что пес наверняка великий мастер прятаться, если до сих пор уцелел.

«Видимо, – думал Невилл, – это один из тех капризов случая, которые не подчиняются закономерностям. Каким-то образом, благодаря удаче, счастливому совпадению и, возможно, определенной ловкости, эта собака ускользнула от чумы и от ее ужасных жертв».

Это заставило Невилла кое о чем задуматься. Если неразумная собака умудрилась уцелеть в этом хаосе, у человека – существа разумного – в принципе гораздо больше шансов выжить.

Он заставил себя подумать о чем-нибудь другом. Надеяться опасно. Эту банальную истину он давно возвел в жизненный принцип.

На следующее утро пес появился снова. На этот раз Роберт Невилл открыл дверь и вышел на крыльцо. Пес тут же дал стрекача от тарелки и чашек и дунул через улицу – только пятки засверкали. Его правое ухо вывернулось на бегу.

Невилла всего передернуло. Едва подавив в себе инстинкт преследования, он с независимым видом уселся на край крыльца.

На той стороне улицы пес снова юркнул между домами и исчез. Просидев пятнадцать минут, Невилл вернулся в дом.

После легкого завтрака он опять выставил на крыльцо еду.

Пес явился в четыре, и Невилл снова вышел, предварительно выждав, пока пес не утолит голод.

Тот вновь дал стрекача. Но на этот раз, видя, что его не преследуют, он на миг замешкался посреди улицы и оглянулся.

– Все в порядке, малыш, – крикнул Невилл, но при звуке его голоса пес снова поспешил скрыться.

Невилл, как каменный, сидел на крыльце, скрежеща зубами от нетерпения.

«Проклятье, что же это такое со мной! – думал он. – Чертова псина!»

Невилл заставил себя подумать о том, через что прошел этот пес. Бесконечные ночи, когда он, распластавшись на земле, укрывался бог знает где, а вокруг, чуть ли не перешагивая через его трепещущее тельце, бродили вампиры. Добывание пищи и воды, борьба за выживание в мире без хозяев – непростая задача, если твоя душа обитает в поневоле зависимом от человека теле.

«Бедняга, – подумал Невилл, – я буду к тебе добр, когда ты вернешься и останешься жить у меня».

Возможно – пришло ему тут в голову, – у собаки больше шансов уцелеть, чем у человека. Собака меньше и может спрятаться в таких местах, куда вампиры не способны добраться. Собака наверняка может чувствовать нелюдскую сущность тех, кто ей попадает. Просто унюхать эту сущность.

Предположение ничуть не обрадовало Невилла. Потому что, невзирая на доводы рассудка, он все время цеплялся за надежду, что в один прекрасный день разыщет себе подобного: мужчину, женщину, ребенка – все равно кого. Когда исчезло гипнотическое давление массовой культуры, секс быстро стал терять для него смысл. А вот одиночество он все еще ощущал.

Иногда он позволял себе явственно воображать, как находит еще кого-то живого и здорового. Но чаще пытался внушить себе мысль, которую искренне считал непреложной исти-

ной, – что он действительно последний на планете человек. По крайней мере, в той части планеты, которую знает не понаслышке.

За этими мыслями он чуть не позабыл, что вечереет.

Испуганно встрепенувшись, он поднял голову и увидел бегущего к нему через улицу Бена Кортмана.

– Невилл!

Он вскочил на ноги и укрылся в доме, трясущимися руками закрыв за собой дверь на все замки и засовы.

Много дней подряд он выходил на крыльцо, как только пес заканчивал трапезу. Всякий раз, стоило ему выйти, пес давал стрекача, но изо дня в день убегал все медленнее и вскоре начал останавливаться на середине улицы, чтобы оглянуться и залаять на Невилла. Невилл никогда не преследовал его, просто сидел на крыльце и смотрел. Такая у них была игра.

И однажды Невилл уселся на крыльце еще до прихода пса. А когда тот появился на той стороне улицы, не сдвинулся с места.

Минут пятнадцать пес опасливо бродил вдоль бровки тротуара, не проявляя желания подойти к еде. Чтобы ободрить его, Невилл отодвинулся от чашек как можно дальше. Машинально он скрестил ноги, а пес, заметив это неожиданное движение, попятился. Тогда Невилл велел себе сидеть не шевелясь. Пес, беспокойно снуя туда-сюда по улице, все время переводил взгляд с Невилла на пищу и обратно.

– Давай, малыш, – сказал ему Невилл. – Скушай, что тебе подали, будь хорошим мальчиком.

Прошло еще десять минут. Теперь пес ходил по газону, описывая концентрические дуги, которые становились все короче и короче.

Пес застыл на месте. Потом медленно, очень медленно, шагая сначала одной, потом другой лапой, стал приближаться к тарелке и чашкам, ни на секунду не отрывая глаз от Невилла.

– Молодец, малыш, – сказал Невилл тихо.

На этот раз пес не вздрогнул и не попятился при звуке его голоса. И все же Невилл старался сидеть совершенно неподвижно, чтобы не спугнуть собаку резким движением.

Пес подошел еще ближе, подкрадываясь к тарелке. Его напряженное тело готово было среагировать на малейшее движение Невилла.

– Правильно, – сказал Невилл псу.

Внезапно пес, рванувшись вперед, схватил зубами мясо. И, хромая, ретировался через улицу, а Невилл встретил это отступление довольным смехом.

– Ах ты, собакин сын, – сказал он одобрительно.

Потом сел и стал смотреть, как пес ест. Тот приник к земле на желтом газоне на той стороне улицы и, не сводя глаз с Невилла, принялся вгрызаться в бифштекс.

«Ешь, наслаждайся, – подумал Невилл, глядя на собаку. – Теперь будешь получать только собачью еду. У меня нет возможности и дальше снабжать тебя свежим мясом».

Покончив с едой, пес потянулся и снова перешел улицу, на этот раз более уверенно. Невилл продолжал сидеть на месте. Сердце беспокойно стучало. Пес начал ему доверять, и это почему-то вызывало трепет. Он сидел, приковав взгляд к собаке.

– Правильно, малыш. – Он поймал себя на том, что говорит вслух. – Теперь попей водички, хороший песик.

Внезапно его губы расплылись в улыбке восторга: он увидел, что здоровое ухо пса поднялось.

«Он слушает! – подумал Невилл с воодушевлением. – Он слышит, что я говорю, ай да собакин сын!»

– Иди сюда, малыш, – твердил он призывно. – Пей воду и молочко, будь хорошим мальчиком. Я тебя не обижу. Вот и молодец.

Пес подошел к чашке с водой и робко начал пить, то резко вскидывая нос, чтобы посмотреть на Невилла, то вновь опуская голову.

– Я ничего не делаю, просто сижу, – сказал Невилл собаке.

Он никак не мог подавить ощущение, что его голос звучит странно. Человеку, почти год не слышавшему звука собственного голоса, он кажется совершенно чужим. Это очень долго – год жизни в молчании.

«Когда ты придешь ко мне жить, – подумал он, – у тебя просто уши отсохнут, столько я буду с тобой болтать».

Пес вылакал воду.

– Иди сюда, малыш, – сказал Невилл просительно, похлопывая себя по ноге. – Сюда.

Пес с любопытством взглянул на него, снова дернув здоровым ухом.

«Господи, что за глаза, – подумал Невилл. – Сколько в них переживаний! Недоверие, надежда, одиночество – все это словно написано в огромных карих глазах. Бедняга ты, бедняга».

– Иди сюда, малыш, я тебя не обижу, – проговорил он мягко.

Тут он встал, а пес убежал. Невилл стоял, провожая убегающего пса взглядом, неспешно покачивая головой.

Время шло. Каждый день Невилл присутствовал при трапезах пса, и скоро тот подходил к своей посуде без колебаний, почти нагло, с уверенностью собаки, которая насквозь видит своего двуногого поклонника.

И Невилл постоянно с ним разговаривал.

– Хороший парень. Ешь, доедай. Хорошая еда, верно? Еще бы не хорошая. Я твой друг. Я кормлю тебя этой едой. Ешь до последней крошки, вот и молодец. Хорошая собачка. – Без конца льстил, нахваливал, успокаивал ласковыми словами перепуганного пса, пока тот ел.

И каждый день Невилл подсаживался к нему чуточку ближе, и вот однажды утром он мог бы при желании протянуть руку и дотронуться до пса. Но он этого не делал.

«Не буду рисковать, – сказал он себе. – Не хочу его пугать».

Но как тяжело было сидеть сложа руки. Невилл чуть ли не физически ощущал в пальцах зуд сочувствия: как хотелось потянуться к собаке, погладить ее по голове. Ему страшно хотелось вновь кого-то полюбить, а пес был очаровательно-уродлив.

Невилл разговаривал и разговаривал с псом, пока тот не свыкся со звуком его голоса. Теперь пес едва поднимал голову, когда Невилл обращался к нему. Он без дрожи приходил и уходил, ел, а потом, перебежав улицу, кратко лаял в знак благодарности.

«Теперь уже скоро, – говорил себе Невилл, – скоро я смогу погладить его по голове».

Дни переходили в радостные недели, и каждый час приближал его к сотоварищу по несчастью.

Но однажды пес не пришел.

Невилл был взбешен. Он так свыкся с посещениями собаки, что они превратились в стержень его ежедневного распорядка. Все дела согласовывались со временем собачьей трапезы, исследования были забыты, все отступило перед желанием поселить пса в своем доме.

День прошел в нервотрепке: Невилл прочесывал округу, громко звал пса. Но все было напрасно, и он вернулся домой, к безвкусному ужину. Пес не явился ни в тот вечер, чтобы поужинать, ни на следующее утро – завтракать. Невилл снова вышел на поиски, уже теряя надежду.

«Они добрались до него, – не переставал твердить голос в его голове, – мерзкие гады добрались до моего малыша».

Но он был не в силах на самом деле поверить этому. Точнее, не позволял себе в это поверить.

На третий день, после обеда, он пошел в гараж. И из гаража услышал на улице бряканье металлической чашки. Он выбежал на солнцепек, задыхаясь от волнения.

– Ты вернулся! – вскричал он.

Пес беспокойно отпрянул от чашки. С его челюстей капала вода.

У Невилла упало сердце. Глаза у пса были остекленевшие, он боролся с удушьем, свесив наружу темный язык.

– Нет, – сказал Невилл срывающимся голосом. – О нет, только не это.

Пес еще пятился по газону, переступая дрожащими ногами-стебельками. Невилл торопливо присел на ступеньки крыльца и остался там сидеть. Его трясло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.